

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то в прошлом веке, в далеком 1970, в год празднования 15-летия нашей школы, ребята из литературного объединения при музее-клубе решили издать альманах, который «хоть в малой степени отобразил бы все грани нашего творчества». Вряд ли те, кто стоял у истоков создания литературно-художественного альманаха «Маяковцы», могли предположить, что их затея будет иметь успех, в предисловии они скромно именовали себя «поэтическими овцами», идущими к маяку. Однако издание альманаха стало школьной традицией, а он сам визитной карточкой не только музея-клуба, но и всей школы.

Идея создания «Альманаха альманахов» давно витала в воздухе. Нам очень хочется показать, какие талантливые, самобытные, интересные мысли рождаются в головах обычных детей, если дать им свободу самовыражения, научиться слушать и слышать их. Стать для ребенка не только учителем, наставником, но и внимательным собеседником, советчиком, которому можно доверить порой и самые тайные мысли и переживания. Мы с гордостью показываем нашим гостям 39 томов альманаха «Маяковцы». Но сколько времени и внимания требуется, чтобы прочитать тысячи страниц? Да, мы попытались «объять необъятное», чтобы в масштабах одной книжки передать ту атмосферу творчества, которая 45 лет составляет основу школьного музея-клуба.

Нам кажется, что такое издание в год юбилея школы и музея, в наш «столетний юбилей», символично. Мы, с одной стороны,

подводим определенные итоги, а с другой – дарим себе подарок к замечательному празднику.

Выбрать лучшие работы было довольно сложно. Но мы попытались сделать книгу такой, чтобы можно было увидеть, как менялась наша школа, чем жили дети в ней. За почти сорокалетнюю историю своего существования альманах пережил многое, и в сердцах авторов, в детских работах – история нашей страны. «Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бойцами, или страной, или в сердце было моем», - писал В. Маяковский. А ведь за время существования альманаха и страна стала другой, да и школа дважды меняла свой номер...

Возможно, взыскательные критики сочтут наши труды далекими от идеала высокой поэзии, возможно, кому-то покажется странным соседство рядом «разновеликих» произведений, кто-то посетует, что не указан возраст авторов, может быть, кто-то обидится, что его творение не попало на страницы альманаха... Суть не в этом: мы разные, мы жили и учились в разные годы, по-разному смотрели на мир... Но нас объединяет что-то очень важное и дорогое для каждого: школа, музей, творчество... Надеемся, так будет всегда!

О ШКОЛЕ И МУЗЕЕ

И если сегодня
мы с вами
сильны,
Он жив в этой силе
немалою долей.
Такого
не надо
из бронзы ваять:
Он жив
осязаемой,
мускульной жизнью
И мы, маяковцы, -
его сыновья.
И нам заслужить бы
такую же тризну...
Когда в тишине
Над зарёю московской
Вдруг
пробил
войны окровавленный час,
Вышел на площадь
живой Маяковский,
Сверкая
палящими «Окнами ТАСС».
То было
триумфом
великих традиций,
Поднявшихся,
чтобы поддерживать нас –
«Сильнее и чище
нельзя причаститься
Великому
чувству
по имени «класс»...
Он шёл по Лубянке, большими шагами –
В плакатах,
в стихах
в неостывшей грозе –
И следом вился
обжигающий пламень
Таких же, как он,
неспокойных газет...

Он шел в Ленинград,
в Севастополь,
в Одессу
По воздуху,
морем,
в авто
и пешком,
И, где бы он ни был, -
военная пресса
Звала и громила
отборным стихом...
И если б его
вдохновеннее строки
Не бились бы с нами
в грозе этих дней,-
Мы знаем - война увеличила б сроки
И мир, хоть на час,
но пришел бы поздней.
Так сколько за час
он сберег для Отчизны
И жизнью, и крови,
и слез, и молитв -
Гремит его слава
несгинувшей жизнью
И кровью непролитой -
памятник слит.

МАРИНА БЫЧКОВА

Воспоминания о школе

Ну вот мы окончили школу,
Растаяло детство, как дым, -
Но каждый остался веселым
И вечно душой молодым.

И мы никогда не забудем
Задорные шутки друзей,
Сережу, Андрюшу и Люду,
И наших учителей.

И, как островок среди моря
Бушующей жизни людской,
Останется в памяти Боря,
И вспомним о Мише с тоской.

Пусть скажет иной: «Ну и что же?»
Но я сберегу тебя впрок,
Мой первый, мой робкий, погожий
Далекий сентябрьский денек...

Порой трудновато нам было
Писать, рисовать и считать,
Мы буквы, кряхтя, выводили
И кляксы роняли в тетрадь.

И вновь мы единой семьей,
А время летит и летит,
И годы у нас за спиной
Взрываются, как динамит.

№4, 1973

АНДРЕЙ БОЙЦОВ

Школа

Что тебе пожелать на прощанье,
Чем развеять ненужную грусть?
Может, лучше дать обещанье,
Что я снова сюда вернусь.

Может, встретимся мы через годы,
Соберемся с друзьями опять,
И, как прежде, в любую погоду
Будем вдоль по Дубровке гулять.

ЕЛЕНА КОСЕНКО

Мы взрослеем, мы в десятом,
Но мы бегаем в кино,
А порою на уроке
Мы грустим, смотря в окно.

Мы серьезные, а порой
Мы хотим сорваться с места
И попробовать догнать
Убегающее детство.

Недоволен педагог,
Мол, неполная отдача,
только снова, как назло,
Не решается задача.

Будет день кружится плавно,
Будут тысячи задач,
И звонков на перемену,
И удач, и неудач.

И каникулы весенние,
Но не будет больше летних...
Мы в десятом, мы взрослеем,
Школьный год у нас последний.

ОЛЬГА АФАНАСЬЕВА. ВЫПУСК 1966 г.

Первый председатель музея.

**ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С СОВРЕМЕННОКАМИ
ПОЭТА**

В октябре 1975 года мы, выпускники шестьдесят шестого, вновь пришли в нашу школу, чтобы поздравить ее с юбилеем - нашей школе исполнилось 20 лет.

Все в знакомых стенах было ново, неожиданно, удивительно. Но, пожалуй, больше всего нас поразил и порадовал школьный музей В.В.Маяковского. Дивные экспозиции, залы, настоящие залы музея, где собраны действительно удивительные, уникальные экспонаты.

Какой большой путь за это время проделал школьный музей!

А началось все это десять лет тому назад с выставки стендов, посвященных жизни и деятельности поэта. Все было незнакомо, неизвестно и даже трудно.

Извечный вопрос: "С чего начинать?" - встал перед руководителями нашего музея.

Одним из вдохновителей музея и нашим литературным вдохновителем была наша любимая учительница по литературе Е.Е.Вайнштейн. По ее инициативе была создана группа информации при музее. Возглавить эту группу было поручено мне. Группа состояла первоначально из 7 человек, оснащенных фотоаппаратами, магнитофонами и обычными авторучками с блокнотами.

Нам нужно было установить связь с людьми, которые лично знали В.В.Маяковского.

Мы хотели услышать и узнать о поэте побольше, но не просто из книг, кинофильмов, а именно от людей, которые хорошо помнили поэта, о тех, кому он был очень дорог.

Помню, первым человеком, которого "атаковала" наша группа, был П.И. Лавуг. Павел Ильич занимался

организацией поездок В.В.Маяковского по Советскому Союзу.

Для нас встреча с П.И.Лавутом была особенно важной, так как именно в это время в музее готовился стенд, посвященный поездкам В.В.Маяковского по Советскому Союзу. П.И. рассказал нам много интересного, но записывать нашу беседу на пленку не позволил: обещал приехать в школу и лично рассказать всем уча- имея о поэте. Уже прощаясь, П.И. захотел подарить нам свою нигу "Поездки Маяковского по Советскому Союзу", но у него под рукой не нашлось чистого экземпляра. И вдруг, жестом восточного факира, Елизавета Ефимовна вынула из сумочки свой собственный томик и попросила Павла Ильича подписать его в дар музею.

Энтузиазм создателей школьного музея В.В.Маяковского, очевидно, пришелся по душе П.И.Лавуту. Он вскоре приехал к нам. Одобрил нашу работу. Рассказал много интересного о поэте. А потом мы смотрели привезенный П.И.Лавутом фильм "Барышня и хулиган", где В.В.Маяковский играл главную роль. Живой Маяков- кий на экране!!!

Это было здорово!

Очень хотела наша группа посетить сестру Маяковского - Людмилу Владимировну.

Людмила Владимировна была больна и долгое время не могла нас принять. На- ;онец, где-то в конце зимы мы подошли к дому, где жила сестра поэта.

В маленькой комнате на диване лежала еще не окрепшая от болезни Людмила Владимировна. Она хорошо встретила нас. Рас- сказала немного о детских годах поэта. Но видно было, что эта встреча дается ей не легко.

Мы распрощались и ушли. Людмила Владимировна обещала приезжать к нам в школу, но, очевидно, не смогла.

Одним из самых приятных дней работы нашей группы были дни, когда мы встречались с А.Г.Бромбергом, человеком, влюбленным в поэта, его стихи.

В предшествующие годы Артемий Григорьевич популяризировал творчество В.В.Маяковского, возглавлял бригаду, которая уносила стихи поэта до масс.

Артемий Григорьевич., немолодой уже человек, по-прежнему увлеченный стихами Маяковского, очень много рассказал нам о поэте. Он очень тонко поведал нам о жизни В.В.Маяковского, о Л.Ю.Брик.

Артемий Григорьевич не раз бывал в нашей школе, а в день открытия музея был нашим почетным гостем и перерезал алую ленточку - открывал музей.

К сожалению, приближались выпускные экзамены, мы уходили из школы.

Наша группа, положившая начало вашей работе, сделала очень немного. Это были первые кирпичики удивительного здания школьного музея В.В.Маяковского, созданного последующими поколениями учеников 483, впоследствии - 79 спецшколы города Москвы вместе с нашими дорогими учителями.

МАРИНА БЛИНКИНА

Взрослые дети

Десятый класс!

"Отличное время", как говорят все взрослые. Время-то хорошее, но...

Начиная с первого класса мы хотели подрасти. И когда мы видели взрослых десятиклассников, мы завидовали им, думая при этом: вот какие они счастливые, проучатся десятый класс и уйдут из школы навсегда. Будут ходить как все взрослые "дяди и тети" ; с толстыми портфелями и читать серьезные книги. Время идет! И вот мы уже - десятый класс. Кажется, вот кончишь школу, а как дальше жить без нее - неизвестно. Иногда, сидя на уроках, мы думаем, глядя на наших учителей, "ведь эти *милые, добрые люди*, желают нам *только хорошего*, а мы им часто столько хлопот доставляем. Наверно, эти мысли всегда приходят к этому возрасту. Старики!, так думаем мы про себя, глядя на спящих, озорных и маленьких первоклашек. Им бы наши заботы!

Бывает, глянешь на уроке на доску, а там формулы, формулы, странные знаки, а потом - в окно, а за окном - весна. Светит солнце, чирикают воробьи, ездят, урча, самосвалы. И хорошо, хорошо на душе станет от этого весеннего настроения.

Скоро мы уйдем из школы, и детство останется в прошлом ; детство с его наивными шутками и голубыми мечтами... но стоит ли совсем уходить из него?

Быть может, остаться (пусть только душой), и идти по жизни, глядя на мир большими детскими глазами...

ЛЮДМИЛА ИЛЬИНА выпуск 1967г.

Память о прекрасном

Для каждого человека жизнь складывается по-разному. Кому-то везет, кому-то нет, для одних труд - радость творчества, для других - тяжелая, изнурительная работа, не приносящая морального удовлетворения. Исходя из субъективных оценок, этических идеалов, принципов, мы поступаем так или иначе, выбираем себе друзей, именно из этого складывается наше отношение к работе, определяются понятия долга и ответственности. Короче говоря, человек живет, любит, ненавидит, страдает, отвергает и т.д., опираясь на свои жизненные ценности, свое миросодержание.

Но, на мой взгляд, в мире есть некоторые непреходящие ценности, которые одинаково дороги и святы для всех людей. Это - школьные годы. К сожалению, это все понимают только тогда, когда школа становится уже пройденным этапом, неповторимым, безвозвратным. И с этой минуты в силу вступает память. Счастлива та школа и счастливы те выпускники, которых долгие годы связывает память о прекрасном (действительно прекрасном) времени.

Нам, выпускникам 1967 года, в этом смысле повезло. Организация и создание музея, посвященного жизни и творчеству В.В.Маяковского, было тем делом, которое наполнило большим смыслом последние 2 года нашего пребывания в школе. Это общее дело объединило учеников не только нашего класса. Оно соединило всю школу.

Я хорошо помню заседание школьного комитета комсомола, на котором было принято решение о создании музея. Тогда основной движущей силой были десяти - и одиннадцатиклассники. Начали с организации совета музея, куда вошли представители всех классов, исключая начальную школу. И началась работа. Сейчас даже трудно представить: " на пустом " месте и вдруг - музей. Одновременно с поиском материала создавалась лекторская группа и группа оформителей. К открытию музея готовился конкурс на лучшее исполнение стихов Маяковского. В первые же дни работы определилась тематика нашей экспозиции, которой

открывался музей: "Маяковский и театр", "Детство Маяковского", "Маяковский и музыка" и др..

Сразу же начались поиски людей, знавших, встречавшихся с поэтом. В этом большую помощь нам оказал Государственный музей

В.В.Маяковского. Каждую неделю совет музея подводил итоги сделанного, намечая дальнейшие действия. И здесь для нас советы и помощь идейных руководителей музея, Е.Е. Вайнштейн и С.Р. Богуславского, были крайне необходимы.

14 апреля 1966 года состоялось торжественное открытие музея В.В.Маяковского. Для нашей школы это был праздник, на который мы пригласили всех, кто имел отношение к личности поэта и с кем нам к тому времени удалось связаться. Наши молодые лекторы провели первую в своей жизни и в жизни школы экскурсию по музею.

Музей открылся. Но работа на этом не закончилась. Самоутверждение музея проходило, я бы сказала, довольно успешно. Росло количество записей в музейной книге отзывов. Расширялась тематика экспозиции. Почти каждый день был отмечен каким-то событием. Мне особенно приятно вспоминать встречи с Лилей Брик, А.Г. Бромбергом, Львом Кассилем, посещение сестры поэта Л.В.Маяковской.

К первой годовщине своего музея мы пришли с новыми материалами о поэте. И уже с некоторой известностью среди экскурсантов музея мы встречали не только москвичей, но и гостей из других городов, чаще всего это были школьники. С рассказом о создании и работе музея мы выступали в одной из молодежных передач по телевидению.

А были ли трудности? Да. Конечно, как и во всяком серьезном и ответственном деле. Очень хотелось бы, чтобы ребята не только продолжали и углубляли исследования творчества замечательного поэта, но и ставили перед собой более общие литературоведческие вопросы.

Наверное, уже сейчас можно говорить о расширении функции музея.

Необходимо, чтобы музей был действительно своеобразным исследовательским центром всей школьной жизни.

СЕРГЕЙ РОМАНЕЦ

Музей и я

Мне бы хотелось добавить к названию: Маяковский, музей, школа и ... Границы между этими словами так перепутались, переплелась, что трудно говорить о каком-нибудь из них отдельно, как вытянуть красную нитку из многоцветного спутанного клубка. Нет в этом единстве и следа искусственности, все слилось и все живо. Рассказывая о школе, я не могу ничего не сказать о музее, музей же неотрывно связан с Маяковским, через эту цепочку /школа, музей/ и я пожизненно связан с ним. Поэтому, нарушив все правила, пишу: Маяковскиймузейшколая. Конечно, это не значит, что между *этим* словами я ставлю знак равенства. Было бы правильнее, если бы я написал это словосочетание в обратном порядке, но делать этого я не стал по известным причинам. И все-таки, вначале был я, который знал не так уж мало, но ничего не знал о Маяковском, потом была школа. Все выше поднимался по ее этажам и по этажам классов. Чаше бывал на третьем этаже, уже не просто по собственному желанию, но и по необходимости - здесь проходили тишайшие до сердцебиения часы занятий физикой.

В младших классах меня затягивало сюда любопытство. Трудно было удержаться, чтобы не заглянуть на "третий*" после занятий. На переменах здесь можно было увидеть увлекательнейшие события школьной жизни, чем-то похожие на кинофильм, снятый ускоренной съемкой. На переменах здесь /впрочем, и на других этажах/ "прыгали через резинку", носились, бегали, ходили..., стояли; играли в увлекательную игру, которую я бы назвал "кто кому наступит на ногу", толкались, прыгая на одной ноге /тоже игра/; просто прыгали, просто толкались; гонялись друг за другом, падали, плакали, смеялись, хохотали, умирали со смеху; читали, зубрили, списывали; беседовали, говорили, болтали, шептались..., молчали; кричали, орали, спорили..., иногда дрались. Но стоило кому-нибудь из учителей появиться в конце коридора - разжимались кулаки, судорожно отряхивались брючины, застегивались пиджаки, если же пуговиц не хватало, то рука в нужный момент

накрывала то место, где еще совсем недавно блестела надежно /в который раз!/ пришитая, извечная страдалница "выяснения отношений». Происходило это с быстротой исчезновения электрического тока в лампе после щелчка выключателя. Всезамечающий учитель проходил мимо, будто ничего не заметив, и добрая улыбка пряталась в краешках внимательных глаз - все это составляло неповторимый гул, который производил незабываемое впечатление о шумном племени старшекласников.

А после занятий здесь было торжественно тихо, загадочно и интересно до необычайности. В нагруженные коридоры вселялось отдохновение, с облегчением дышали распахнутые настежь классы, дежурные заканчивали уборку, пахло мокрым полом и мелом. В магическом забвении висели стенды, на полу свободно растянулись яркие солнечные прямоугольники, перечеркнутые тенью рам. Тишина... С этого все и началось...

Ценность "примелькавшейся" школы с ее уроками, переменами, удачами и..., радостями... приходит лишь теперь, незаметно и неслышно, как сорвавшийся с ветки печальный лист, кружась, тихо падает на мокрый асфальт и горит на нем пламенем осени, надолго сохраняя свежесть красок...

Близка минута расставания, но я знаю, что этот теплый огонек будет согревать меня где бы я ни был, огонек, переданный мне школой.

Школа - это не просто стены, для меня она всегда была чем-то большим; я не нахожу в ней черт неодоушевленности. Оглядываясь на годы, прожитые здесь... Нет! даже недоброе озарено светом - оно еще и еще раз укрепляло во мне уверенность в неизменной победе добра, которое рано или поздно брало верх. Даже неудачи были, в конечном счете, предтечей счастья, подобно песочным часам непонимание переливалось в понимание, время от времени кто-то переворачивал часы, а как хочется всегда быть понятым и понимать окружающих. Пожалуй, для полного счастья это не так уж мало.

Спасибо школе за то, что она понимала нас, умела простить и дать возможность начать сначала. Да и могло ли быть иначе в школе, в которой бьется сердце поэта - честное, доброе, вечное? Помню, как в тиши библиотеки, на

заседаниях совета музея растворилась моя нелюбовь к Маяковскому, лучше сказать, непонимание его поэзии. С каждым четырнадцатым апреля ледник таял, отступал...

Помню, как готовил первую экскурсию, как, преодолевая волнение, выдохнул: «Вы находитесь перед парадной стеной нашего музея...», как добрался до конца экспозиции... и вдохнул. Воздух был чист и свеж, как после грозы, во всяком случае, *мне* так показалось. Это было последнее "прощай" моим колебаниям, той внутренней борьбе, которая происходила во мне; Маяковский победил, и это была и моя победа.

Когда-то я поспешил отвернуться, и кто знает, пришла ли бы она в эти школьные годы, если бы между Маяковским и школой не появилось связующее звено - музей.

Я открыл для себя В.Маяковского - тончайшего лирика, трагика и в то же время негибкого борца, агитатора, великого трибуна революции - и этим обязан музею.

АЛЕКСАНДРА ЕРМАКОВА

Потом ты мне будешь снится,
Школа моя...
Друзей моих школьные лица
И вы, учителя.

Я каждую парту увижу
И каждый на стенке портрет.
Пойму, что на свете ближе,
Чем ты, моя школа, нет.

Недели летят как птицы,
Как будто всегда так летели.
Мороз за окошками злится,
И песни поют метели.

Уроки, звонки, перемены -
Веселая дней карусель.
Зима ведь уйдет непременно
И вновь зазвенит капель.

Сейчас же деревья голы...
Но времени быстр бег.
Я скоро уйду из школы,
Надолго уйду, навек...

Потом ты мне будешь снится,
Школа моя...
Сквозь сна голубые ресницы
Тебя вновь увижу я.

ГУТОВА ГАЛЯ

Пусть наша школа с каждым годом молодеет,
Пускай цвете и хорошеет с каждым днем.
Мы вечную о нашей школе память
По всем дорогам жизни пронесем.

Нам не забыть звонок, звонче всех звонков,
Учительницу, первую и строгую,
И день, когда пришли с букетами цветов
Впервые в жизни к школьному порогу мы.

Мы школе вечно благодарны будем
За все, что сделала для нас она,
Ведь школа хочет вывести нас в люди,
Как хочет в люди вывести страна.

№ 14, 1983

КОРШУНОВ АРКАДИЙ

Наша школа известна всем,
В ней Маяковского есть музей.
Здесь комсомольцы и пионеры -
Главные коллекционеры.

Каждый четверг в фондах музея
Они собирается для обсуждений,
Ищут, находят они экспонаты,
Чтоб Маяковского знали ребята.

Ты, прочитав мое стихотворение,
Не жалея на музей ни сил, ни времени!

ЧУДИНА ЕКАТЕРИНА

Учителя

Летят года. И мы не замечаем...
Вот первый, пятый, вот девятый класс...
Сегодня мы десятый провожаем,
А завтра уж восьмой проводит нас.

И в жизнь войдя, сегодняшние дети
Займут места своих седых отцов,
И мы, девчонки и мальчишки эти,
Заменим инженеров, кузнецов.

И не одну пройдем еще мы школу,
Не раз придется падать и тонуть,
Но школу, где промчались детства годы,
Увы, но никогда нам не вернуть.

Где нас учили жить, любить, учиться,
Где мы нашли единственных друзей,
Нам эта школа будет часто сниться,
Её спортзал, пять этажей, музей.

Да, мы уйдем, но к вам придут другие.
И вы, как с нами, все с нуля начав,
Им истины втолкуете простые
И сложные, мелок в руке зажав.

Промчатся годы, все мы разлетимся.
Нас манят горы, стройки, города,
Но все пройдет, и мы домой вернемся,
Мы все вернемся раз и навсегда.

Мы встретимся, учителя, ребята
Здесь, в школе, через много-много лет,
Мы вспомним, как учились здесь когда-то,
Звонки, уроки, двойки, педсовет.

Как это просто, мирно, человечно...
Так скажем мы, и так скажу и я:
Спасибо вам зато, что это все навечно,
Спасибо вам, мои учителя!

ОЛЬГА ОРЛОВА

«СОВА»

Как только в этот день
До ночи в школе быть не лень?

Но тот, кто не был, не поймет,
Что есть СОВА. Итак, вперед!

Афиша сделана чудесно.
Посмотришь – сразу интересно

Залог успеха -
Ким и Смахов!

И как пароль звучат слова:
СОВА!.СОВА! СОВА! СОВА!

Начало. Вот уже вопросы
Горою на столе лежат.

Но задавальщики несносны,
Побольше написать спешат.

Вопросы пишутся любые:
В стихах, серьезные, смешные.

Ответы разные даются.
Все дружно хлопают, смеются.

Река вопросов все течет,
Народ писать не устает.

«Совиный дух» нас вдохновляет.
Здесь недовольных не бывает!

БЫСТРОВА ЛЮДМИЛА

Он творил непривычные строки

В.В. Маяковскому

Не рисуют плакат акварелью,
Стала лишней стиха благодать.
Соловьиной есенинской трелью
Слом эпох не дано передать.

Грохот рухнувших прошлого зданий,
Мир, встающий по воле судьбы,
Пафос новых больших ожиданий,
Гул жестокой смертельной борьбы.

Отзвенела усталая лира
У прошедшего века в руке.
Сотворение нового мира
Нелегко отражать в языке.

Он творил непривычные строки,
В них вбивая страны бытие.
И остался как память эпохи
И трибуном, и жертвой ее.

РЫБКИНА ДАРЬЯ, ПУЛИНА МАРИЯ

Музею

Мы много лет тому назад
Прошли в распахнутые двери.
Здесь счастья луч и тень побед,
Добро, и дружба, и доверие.

Музей нас встретил горячо,
И с первых классов мы все знаем
О жизни, детстве и любви
И гражданина и горлана.

У нас в музее-клубе есть
Все то, что вам не перечсть:
И книги, карты и плакаты,
Газеты, альманахи, даты.

Мы приглашаем в гости вас,
Чтоб не забыли вы про нас.
Мы рады видеть вас всегда
На юбилеях сквозь года.

Хоть нам уже за 30 лет,
Мы молоды, как в 10 лет.
Мы не боимся всех невзгод,
Пройдём мы множество дорог.

Исколесили полстраны...
Спасибо мы сказать должны
Учителям, что нас учили,
С музеем долго мы дружили.

Теперь мы выросли совсем,
Но верные остались всем.
Музей по-прежнему мы любим,
И никогда вас не забудем.

Желаем мы расти, цвести
И экспонатов вам найти.
Вы ждите в гости нас всегда,
мы рядом, если есть нужда!

ЛАЗАРЕВ АЛЕКСЕЙ

Я и школа

Когда-то, тихий первоклассник,
Сюда со страхом я входил,
Стеснённый, но в душе проказник,
Знакомых новых заводил.

И день за днём бывая в школе
Я незаметно привыкал,
Она была помимо воли,
Я жажды знаний не питал.

А жизнь кружилась возле этой
Черты в прямой моей судьбе,
И только отдыхая летом,
Я не участвовал в борьбе.

Борьбы была со всей системой,
Душа противилась порядку,
Потом столкнулся я с дилеммой,
Что делать, чтоб не быть в упадке...

И оказалось незаметно,
Что сложилось жизни где-то дальше,
И стала ясной и конкретной
Проблема гордой, глупой фальши.

Весна в судьбе проходит бурно,
Весна, которой я не знал,
И время то призналось нудным,
Где жажды знаний не питал.

МИЩЕНКО ЯНА

Однажды, быть может, я выйду из дома,
Дорогой знакомой пройду я опять.
И все как обычно, и все так знакомо,
И вроде бы не о чем мне тосковать.

Дойду до забора, пройду я в калитку
И машинально к крыльцу подойду.
Странно мне даже, что сердце стучит так,
Словно без стен этих жить не могу.

Все изменилось, а впрочем, как раньше...
Только одно: больше нет здесь меня.
Жизнь... Ведь она продолжается дальше,
Странно здесь вновь ощутить мне себя.

Тот коридор, те же окна и стенды,
В классах все так же, как было при мне,
Тот же поэт, чья жизнь из легенды,
Так же луч солнца скользит по стене.

Те же знакомые с детства мне лица,
Так же раздастся звонок в тишине.
Радость и грусть могут здесь навалиться.
Все это искренне дорого мне.

УТОЧКИН ВЯЧЕСЛАВ

Письмо Маяковскому

Здравствуй, Маяковский!!!

Очень рад с тобой поговорить, хотя и не знаю, слышишь ли ты меня? Я думаю, что слышишь, ведь ты живешь в моем сердце. Твои стихи воспламеняют все моё существо пожаром, всё съедающим и одновременно дающим блаженное тепло.

Еще в детстве мой папа часто нашепывал слова из «Стихов о советском паспорте». Когда я подросток, сборник твоих стихов стал моей настольной книгой.

Особенно мне нравится такая вещь, как «А вы могли бы?». В любой ситуации этот вопрос звучит актуально. И, конечно, в первую очередь надо задавать его самому себе, всегда!!!

Многие обвиняют тебя в различных недостатках, но я знаю, что стоит задать им вопрос: «А вы могли бы?», могли бы сделать хоть сотую, тысячную долю того, что сделал Владимир Владимирович? И тут же все эти слизняки и лицемеры подавятся своими сквернословящими языками!

Я не такой. Я знаю, что ты великий поэт. Я очень люблю твои стихотворения и даже не думаю тебя в чем-то упрекать. Тебя можно только хвалить, хвалить за то, что ты был, есть и будешь жить у нас в душе, а слова твои всегда будут звучать волшебной музыкой в душах истинных ценителей настоящего искусства...

А мне, кстати, очень повезло. Я учусь в школе имени тебя. Великолепная школа! И музей, посвященный тебе, есть.. А интересно, сколько разных изданий печатали твои произведения при жизни? Представляешь, у нас есть почти три с половиной тысячи твоих книг!

Не только в России, но далеко за ее пределами нашли твои стихи отклики в сердцах людей, так что теперь они переведены на все основные языки планеты. И лозунг твой оказался пророческим:

Светить всегда,
Светить везде,
до дней последних донца,
светить
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой - и солнца!

Да, Маяковский! Ты светишь, и светом этим освещаешь дорогу жизни многим! И знай, что есть я и такие, как я, которые тебя любят и помнят.

До свидания, Владимир Владимирович Маяковский.

ПОЭЗИЯ

ЛЕНА СЕМАШКО

В книгах – там всё как по маслу.
Дрогнула кнопка, звеня...
Что же глаза его гаснут
Только увидев меня?

Губы так плотно сжаты,
Он их боится разжать,
Чтобы опять, как когда-то
От боли не закричать.

Долго молчим, потупись,
Капает где-то вода...
Он посмотрел, улыбнулся:
«Ты меня любишь?» - «Да!»

САША МОГИЛЕВСКИЙ

На раскопках

Мы изранили землю лопатами
С жаром - так не копают грядки –
А земля лишь скрипела и плакала,
Отдавая себя без оглядки.

Отдала все, что было спрятано,
Все, что тысячи лет хранила:
Семь девярых разбитой статуи,
Три четвертых царской могилы.

Отдала черепки кувшинные,
Письмена, котелок кальяна,
Черепя, черенки аршинные
И монеты с лицом тирана...

И нелегкая, зыбкая, торная,
Как тропа во время обвала, -
Нам смотрела в глаза История, -
Нам земля её отдавала...

ОЛЯ КОМАРОВА

Не дорожила я водой
В сырой тени фонтана
В квартире, где тугой струей,
Она лилась из крана.

Не дорожила я теплом,
Когда квартиру грея,
И днем и ночью под окном
Дышала батарея ...

Ты был всегда моей судьбой
Водой ,
теплом
и садом.
Не дорожила я тобой,
Когда мы были рядом.

ОЛЯ ТЕРЕНТЬЕВА

Ты в мир врываешься –
Хватит отдыха
Ладонями выставлен
ставень окна.
Но страшно ударит тяжелым обухом
Средневековая тишина

И дикими кажутся жалобы сосен,
Пруда одиночество,
Мельницы пенье,
Недвижного неба испанская просинь,
Берез левитановских рыжая пена.

Осень. Скоро зима нагрянет.
Запорошит дорога снегом.
Сяду в поезд я утром ранним
И навстречу зиме поеду.

В лес, куда она первым делом
Взор холодных очей направит,
Но пока еще осень смело
В желтом царстве осеннем правит.

Осень взмахом волшебной кисти,
Обойдя стороною сосны,
Разноцветные кружат листья,
Расплетая березам косы.

Лесом тихо идя, под деревьев
Обнаженных стыдливый шорох,
Чтобы помнить зимою лето,
Наберу этих листьев ворох.

Ярких, солнцем осенним расцвеченных ...
Их я, в шум городской возвращаясь
Раздавать буду каждому встречному,
Как о лете ушедшем память.

Пыльный город с толпой огромной,
Суетливой, всегда спешащей,
Променяла бы беспрекословно,
Я на темного леса чащу.

Пусть мой поезд промчится мимо,
А наутро, лишь встанет солнце,
Я пойду собирать рябину,
Чуть прихваченную морозцем.

ВОЛОДЯ ШИПИЛОВ

На земле от снарядов воронки.
Здесь, в воронках, лягушкам жильё.
Мать во сне не задавит ребенка,
Если под боком он у нее.

Пусть ничто не нарушит сон их,
Пусть забудется слово «снаряд» ...
Дети спят в материнских ладонях
Лишь, в воронках лягушки кричат.

САША ПИЦИК

Нелегко за поющей метелью
Вспоминать о прошедших днях.
Снова вечер сырою шинелью
Нестерпимо лежит на плечах,

Я не знаю, где тут разгадка:
Непослушно в моей судьбе
Ты стоишь...
И стихи в тетрадке
Каждый день говорят о тебе.

БОРИС МАКСИМКИН

Ритмы

У ритмов – разница разительна:
То – канитель, то – дребедень,
То – электроном в ускорителе
За днем мелькает новый день...

Но есть – гигантский и космический –
В миллиардно-сумрачной дали –
Кометы вихрь параболический
Почти не видимый с Земли.

СЕРГЕЙ ПРОКОПЕНКО

На карточке – в глазах мольба,
Гляжу в лицо твое печальное.
Быть может, ты – моя судьба,
А, может, - встречная случайная.

Я принял всё: улыбку, рот,
Разлёт бровей, причёску строгую...
Но у развилки – поворот –
И ты идёшь другой дорогою.

Зачем же в старые края
Ты тянешь с дьявольскою силою,
Печаль моя,
Тоска моя,
Любовь моя невыносимая!

ГАЛЯ ГУБАНОВА

Я не знаю, что значит война,
Не видала, война какая.
Говорят, будто ртом она
Пламя черное изрыгает.

Только память о ней в веках -
Словно миф или страшная сказка...
И осколком войны в руках
У меня порыжелая каска.

ЛЕНА ЧЕРНАЯ

И вечно восходам вспыхивать,
И падать в моря закатам,
Дождям полуночным всхлипывать,
И соснам грустить лохматым.

И ветру, хмельному, вздорному,
Опять задирать прохожих...
И все это очень здорово,
Что солнце на мяч похоже,

Что где-то над горизонтом
Слад самолета – как провод.
И неба огромный зонтик
Раскрыл над собою город.

МАРИНА НЕРЕТИНА

Шел сильный дождь, шел с самого утра,
Ни на минуту, ни на миг не унимаясь,
шел к облакам, стеною поднимаясь,
То моросил, то лил как из ведра.

Казалось, нет ему конца и края.
И гром стрелял, раскаты разливая,
Как будто бы на землю изрыгая
Потоки брани, но была добра
Хмельного ветра ласковая ругань,
Никто грозою не был перепуган,
И город острым ливнем был обструган,
И радуг распустились веера.

ЛЕНА ЯГОДКИНА

Воткнувшись в пряди облаков,
Стоят сосенки колкие,
Стоят под натиском ветров,
Просыпавши иголки.

Сквозь лапы голубых ветвей
Лохмотья солнца нижутся.
Звонит проснувшийся ручей,
И тучи тихо движутся.

Уняв предутреннюю дрожь,
Шуршат березки тонкие.
И сыплет августовский дождь
Свои капли звонкие.

Он будто рад сиянью дня,
Как конь, звенит подковами...
И смотрит поле на меня
Глазами васильковыми.

КОЛЯ ГОЛОДНЫЙ

У снежных вершин, близ норвежского фьорда,
У дальних озер, что морю под стать, -
Повсюду звучит величаво и гордо
Слово родное и близкое – мать.

ЛЕНА ЧЕРНАЯ

Не спорьте вы, уставшие от жизни,
Уставшие от собственного зла,
Что никогда не будет небо чистым...
Пусть будет теплой дружба и...зола,

Пусть будет ясным день. И через тучи
Рванется луч, перечеркнув беду...
Я твердо верю – в мире станет лучше.
И с этой верою вперед иду.

МАРИНА БЛИНКИНА

Утро

Тает небо голубое
В первых проблесках зари.
Над домами, над листвою
Гаснут ночи фонари.

И откуда эти краски?
Было серо и темно.
Может быть, волшебник в маске
Цвет пролил на полотно?

Ночь медлительно уходит,
Утро гонит тучи прочь.
И застенчиво выходит
Солнце – утренняя дочь.

МАРИНА ЕРЕМИНА

Волжская ГЭС

По вязкой топи, вдоль болота,
Где свищут громко кулики,
Взваливши провода на плечи,
Столбы бредут, как бурлаки.

Путь перед ними – долгий, долгий,
Их ждут и там, их ждут и тут,
По проводам всю силу Волги,
Они для Родины несут.

КАТЯ МАЛЫШЕВА

Осенний лес

Лес как будто чуть съежился
От осенних ветров,
Листья корчат нам рожицы
С тополей и дубов.

После, падая, кружатся,
И летят, и летят.
Чуть похожие в лужицах
На плывущих утят.

Как в лесу сейчас сказочно:
Слышен звон родника.
И плывут, как кораблики
По ручью, облака.

Он стоит , зачарованный,
Этот сказочный лес.
Словно клад заколдованный,
Полон тайн и чудес.

МАРИНА ЛЕСНИЧАЯ

Курган

Угасли кострища стоянок,
И в землю ушли племена,
Забрали в курган полонянок,
Мечи, топоры, письмена.

Померкли браслеты и гребни,
Распались мониста во мгле.
На шее у смуглых и древних
Звенели они на земле.

Бокалы, и кубки, и чаши,

Мерцавшие пьяным вином,
Покрылись туманом тончайшим,
Холодным туманом времен...

СВЕТЛАНА АФАНАСЬЕВА

Родина моя

Люблю берез я тихий шепот,
Люблю я мягкий шум листвы,
Люблю я ржи несмелый ропот
И запах луговой травы.

Люблю я вкус ржаного хлеба,
В размахе радостный покос,
Спокойную улыбку неба,
Жужжанье суетливых ос.

Люблю я вальс ветров игривых
И хороводы облаков,
Глаза ромашек шаловливых
И взор упрямых васильков.

Люблю ту землю, что зовется
Россией, ширь ее полей,
Где всем нам счастливо живется
Под небом Родины моей.

МАРИНА ДОДЗИНА

Осенний дождь

Он, как дряхлый старик,
Притаился в ночи
И замерзшей рукой
По забору стучит.

Постучит – помолчит.
Не ответит ли кто.
Глухо тополь шумит,
да чернеет окно.

Он замерз, он продрог,
И устала рука,
Но никто не впустил
Даже в дом старика.

И он снова побрел
По асфальту дорог,
Только ветер, как пес,
Завывает у ног.

ИННА ПОНОМАРЕВА

Как трудно прожить без любви, без эстетики
В век электроники и автоматике...
В эпоху раздумий о кибернетике
Мечтаешь порой о покое и статике.

А жизненный поезд свой ход набирает,
Летят и уносятся дни напролет.
И каждый за жизнью едва поспекает,
Боясь, что не выдержит и упадет.

За стайей забот, вереницей летящих
Как часто порой не хватает минут,
Помыслить о прошлом и о настоящем -
Лихими составами годы бегут.

Так пусть в пестроте наших дней непослушных
Душа забывается в сладкой мечте,
И хочется слабою стать, малодушной,
Чтоб время – не то, и чтоб люди – не те.

И «Сад соловьиный» нас манит порою,
И хочется плакать, грустить и любить
И тихо ночами мечтать о Герое,
И в синие грезы с Героем уплыть.

ОЛЬГА МАРКОВА

Ты нужен мне, как воздух, как вода,
Как небо и как солнце на рассвете.
Не верила я раньше никогда
Ни вещим снам, ни в бога, ни в приметы.

Я зачеркнула все сама, и пусть,
Но по какому праву и закону
Я непрестанно на тебя молюсь,
Как молятся на главную икону.

Прошу тебя, не сетуй на меня,
Не думай, что другому я досталась,
И не ищи, судьбу свою кляня,
Того, что безвозвратно потерялось.

МИХАИЛ КОСТЮРИН

Жить можно с жизнью рядом:
Мещанская тишь и гладь.
А этого нам не надо:
Мы брать хотим и давать.

Брать все, что взять возможно:
Сомненья, разлуки, мечты,
Юность, любовь тревожную,
Небо, землю, цветы.

Дадим мы: заводы новые,
Хлеб с целинной земли,
Стихи и сады фруктовые,
Космические корабли.

Хотим мы все видеть сами,
С зари до заката искать,
И с полными жизни глазами
Своею дорогой шагать.

ЛЕНА МЕШКОВА.

У метели бессвязные речи:
Из любви, из тоски, из обид...
Что я ей, безутешной, отвечу,
Разве сердце не так же болит?

Я всю ночь просижу у окошка,
Эти речи не так-то просты,
А когда рассветет немножко,
На стекле я увижу цветы.

Хризантемы... Зачем и откуда?
Из Японии? С дальней звезды?
Это самое странное чудо,
чтобы сердце утешили льды.

ЛАРИСА МАРКИНА

Капризы погоды

Целый день обещают по радио
Облака, проливные дожди,
Но погода – особа с характером,
От неё постоянства не жди.

Только что, безутешная, плакала,
Но проходит какой-нибудь час-
Вновь играет на тувельках лаковых
Отраженье живого луча.

Улыбается улица влажная,
И до блеска умыта листва,
Ветерком аккуратно разглажена
Надо мною небес синева.

И сердца застучали моложе,
И улыбкой глаза зацвели,
И счастливые ищут прохожие
С кем бы радость свою разделить.

ВЛАДИМИР МЕНДЕЛЕВИЧ

Родина

Мимо окон большого вагона,
Убегая, уносится вдаль
И деревьев таинственных кроны,
И полей золотая печаль.

Прожурчит под дорогою речка,
И опять всё леса и поля...
Как прекрасны картины простые,
Что рисует родная земля!

Есть на свете далёкие страны,
Где весь год не стихает жара,
Там растут на деревьях бананы
И папирус плетут мастера.

Но ничто не заменит нам края,
Где мы детство своё провели.
Всех дороже страна нам родная,
Даже если она – край земли!

ЕРМАКОВА АЛЕКСАНДРА

До свиданья, лето,
Синь и глубь небес,
Солнышком напоенный
Золотистый лес,
Луг, дорога, речка,
В поле ветерок...
...Говорят, что в жизни
Тысяча дорог.

Я на них не встречу
Детства своего.
Вместе с этим летом
Улетит оно.
Но вступлю на взрослый,
На нелегкий путь.
Ветерок из детства
Будет в спину дуть...

На опушке леса
В середине лета
Средь зеленой бархатной травы
Вырос колокольчик,
Раздобыл он где-то
Капельку небесной синевы.

Рядом на полянке,
Там, где ввысь оконце
Средь ветвей грозюю провело,
Выросло ромашка -
Дало, знать, ей солнце
Золотую радость и тепло.

На лугу у леса
Расцвела гвоздика.
Ветерок ей шепчет: «Ты гори, гори!»
Это он однажды
Ради интереса
Ей принес кусочек утренней зари.

ЮЛИЯ СМИРНОВА

У обелиска

Он упал на дороге –
Неизвестный герой,
Он упал в том же месте,
Где стоим мы с тобой.

Здесь был бой жесточайший,
Бомбы громко рвались.
Где упал этот парень,
там сейчас обелиск.

Так почти же, друзья,
память вечную павших,
Ведь солдат защищал
Землю русскую нашу.

ОЛЬГА ШУВАНОВА

Кто?

Кто заглянул ко мне в оконце?

Это солнце!

Кто быстрее всех на свете?

Это ветер!

Кто с дождем летит по круче?

Это туча!

Кто стоит на Черном море?

Это горы!

Кто гудит, идет вперед?

Это в море пароход!

Кто бежит, но он без ног?

Это ручеек!

Кто любимый, добрый самый?

Это МАМА, МАМА, МАМА!

ЛЕНА ГАВРУСЕВА

Вот затихает пурга,
И по улице, белой и строгой,
Тихо плывут облака,
похожие на сугробы.

МАРИНА МАЛЮТИНА

По шпалам

Я люблю бродить по шпалам,
Просто думать ни о чем,
Говорить о чем попало
Со знакомым москвичом.

Ездят поезда по рельсам,
И трамваи, и метро...
Эх, прожить бы лет до двести,
Посмотреть на все потом.

Я люблю ходить по шпалам
И навстречу поездам,
Слышать их гудок усталый,
Что раздался где-то там.

Легко обидеть человека.

Как легко человека обидеть:
Не прийти, не понять, опоздать,
Чтобы тот человек мог увидеть
Свою слабость. Чтоб слез не унять...

Как легко человека обидеть:
Как в лицо ему плюнуть легко.
Просто душу его не увидеть,
Не заметив, пройти, вот и все.

Как легко человека обидеть:
Пусть ему тяжело, ну, пускай...
Как жестоко кричать ему в спину:
«Ты страдаешь?! Еще пострадай!»

ОЛЬГА СКОРОБОВЕНКО

Снова сыплет ночь сквозь ветви сада
Серебро, не медные гроши.
Может быть, вот так нам жить и надо:
Без расчета, просто, от души.

Щедро жить, ни в чем не мелочиться_
Так умеют, верно, те,
Что могли у солнца научиться
Теплоте его и доброте.

Надо жить, как лес, как травы эти:
Просто, безыскусно, как дитя.
Надо жить, как май – за все на свете
Песней соловьиною платя.
Все в природе мудро, ясно, стройно,
И она - разумнейшая мать -
Учит нас не только жить достойно,
Но и смерть достойно принимать.

МАРИЯ ВАРИВОДА

Новогодняя ночь

Я в новогоднюю ночь
Спать не хотела до слез,
Верила я, что придет
С подарком в мешке дед мороз.
Достанет он из мешка
Все, что хотелось иметь.
Хотелось так на него
Тихонечко посмотреть.

Годы умчались вперед,
Детства уже не вернешь,
Но в Новогоднюю ночь
Чуда по-прежнему ждешь.

НАТАЛЬЯ ВАЙНЕР

Мушкетеры

Бражники, задиры, смельчаки -
Словом, настоящие мужчины...
Молодеют в зале старики,
Женщины вздыхают беспричинно.

Горбятся почтенные отцы:
Их мечты, увы, не так богаты:
Им бы хоть бы раз свести концы
Не клинков, а собственной зарплаты.

Но зовет их дивная страна,
Распрявляет согнутые спины,
потому что женщина, жена
Хочет рядом чувствовать мужчину.

Бой окончен, выпито вино.
Мир чудесный скрылся за экраном.
Женщины уходят из кино,
Каждая уходит с д'Артаньяном/

ЕВГЕНИЯ ШПИГЕЛЬ

Дон Кихот и Санчо Пансо

Санчо Панса, трезвый человек,
Человек не сердца, а расчета,
Вот уже подряд который век
Ходит на могилу Дон Кихота

И уже не бредом, не игрой
Обернулись мельничные крылья...
Старый рыцарь это был герой,
А сегодня он лежит в могиле.

Был старик до подвигов охоч,
Не в пример иным из молодежи.
Он старался каждому помочь,
А сегодня кто ему поможет?

Снесены доспехи на чердак,
Замки переделаны в хоромы.
Старый рыцарь был большой чудак,
А сегодня мыслят по-другому.

Видно, зря идальго прожил век,
Не стяжал он славы и почета...
Санчо Панса, трезвый человек,
Плачет на могиле Дон-Кихота.

Янус

Не беда, что Янус был двулик,
В общем-то он жизнь достойно прожил.
Пусть он был одним лицом ничтожен,
Но зато другим лицом велик.

Пусть в одном лице он был пройдоха,
но в другом был честен и правдив.
Пусть с людьми он был несправедлив,
Но с богами вел себя неплохо.

Пусть подчас был резок на язык,
Но подчас довольно осторожен.
Не беда, что Янус был двулик,
В среднем он считается хорошим.

МИХИНА ЮЛИЯ

Стали прозрачными клены,
Мягкий ковер на земле.
Алые грозди рябины
Светятся в каждом дворе.

Летнее солнце, хоть ласково светит,
Все же, прощаясь, идет на покой.
Звезды сменяются и с каждой ночью
Раньше выходят на пост вековой.

Кружевом кажется крона березы,
Воздух прозрачен и чист поутру.
Листья, свой танец последний танцуют,
С ветром в обнимку летят по двору.

Ветер листья осенние
Заметает в овраг,
Одиноким мне кажется
Засыпающий парк.

Солнце скрылось за ветками,
Впереди темнота.
Под скамейкой заветною
Золотая листва.

Мы вдвоем с одиночеством
на скамейке сидим.
Звезды смотрят доверчиво
На морщинки земли.

И пугает шуршащая
Под ногами листва.
Мы вдвоем с одиночеством,
И кругом пустота...

САФРОНОВ АНДРЕЙ

Ночной дождь

Листья шумят на ветру...
Дождик идет, тишина.
Ночь – словно в мрачном лесу
Ночь.. И везде тишина...

Ветер стучится в окно.
Носом прижавшись к стеклу.
Видишь блестящий асфальт,
Видишь ночную Москву...
Город, как кажется, спит.
Но сквозь дождя пелену
Видишь – окошко горит
В доме напротив, вверху.

Чей-то стоит силуэт,
Также прижавшись к стеклу,
Смотрит на мокрый асфальт,
видит ночную Москву...

Вдруг замечаешь, что он
Чем-то похож на тебя...
Может быть тот силуэт -
Шутка ночного дождя.

ВАЙНЕР НАТАША

Диоген Синопский

Диоген получил квартиру.
После тесной и душной бочки
Стал он барином и жуиром,
Перестал скучать в одиночку.

Всем доволен, всем обеспечен,
Он усваивал новый опыт.
Иногда у него под вечер
Собирались отцы Синопа.

Те, что прежде его корили,
те, что прежде смотрели косо...
И все чаще в своей квартире
тосковал Диоген – философ.

И тогда, заперев квартиру,
Без пальто, лишь в одной сорочке,
Шел к соседнему он трактиру -
Диогена тянуло к бочке.

МОЛОКАНОВА МАРИЯ

Ночь, за окном все тихо,
Только деревья шумят.
Спит в своей клетке зайчиха
И пять озорных зайчат.

Жираф склонил длинную шею,
Громко сопит бегемот,
А толстый мохнатый мишка
Во сне свою лапу сосет.

И снится ему поляна,
Где в детстве с друзьями играл,
И мед, и малина, и мама,
С которой он радость узнал.

Спят звери – зима наступила,
Спят звери, им снятся сны.
О том, что они, проснувшись,
Увидят улыбку весны.

КАРПУШКИНА ЛЕНА

Капля дождя.

От сырости ежится цапля,
Нахмурились кряквы, тихи,
Дрожит изумрудная капля
В зеленой ладони сосны.

И вижу: вот-вот упадет сейчас,
И мир сразу станет пустой.
Я все ясно вижу, поверь мне,
Я все это вижу ...душой!

№ 19, 1988

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Песня

Время лечит – Время – лекарь
Первоклассный, без диплома.
Если ты душой изломан
Или нравственный калека -
Время лечит, Время лечит:
И в событий бурном вихре
Вдруг потонет резкий выкрик,
И забудешь стан и плечи
И забудешь стан и плечи
И забудешь взгляд знакомый,
Чтоб потом без боли вспомнить
В миг веселый и беспечный...
Время лечит – и дарует
Всезабвение страданий
(Посмотри! – в душе следа нет),
А потом – Любовь вторую.
Время лечит, Время лечит:
Это миссия святая -
Проникать в людские тайны,
Чтобы людям было легче.

Все возвратится на круги своя.

Сонеты

I.

Все возвратится на круги своя:
Преступники не избегают петли,
Негоциант богатый станет беден,
Коль развратит его болезнь – боязнь.

Все возвратится на круги своя:
И я вернусь, испуган, зол и бледен,
Подставлю тело под удары плети
И буду распинаться, как пауч –

Все возвратится на круги своя:
И ты уйдешь, поняв, что ты ошиблась
(Вперед! Уже отточены ножи).

И выйдет этот боли чистый выплеск
Юродством или пасквилом на жизнь.
Все возвратится на круги своя.

II.

Все возвратится на круги своя:
Немного сблизилась – и снова врозь мы,
И никогда о том себя не спросим...
Что жизнь? – Преувлекательный вояж –

Все возвратится на круги своя:
По этой жизни пьяным ходом крестным
Идут планеты, звездочки и звезды,
Неся хоругви, где начертан «ЯТЬ» -

Все возвратится на круги своя:
Нам не придумать лучшего финала,
Чем predetermined нам судьбой –

Она своих законов не меняла:
Мы только скот, ведомый на убой...
Все возвратится на круги своя.

Ш.

Все возвратится на круги своя:
Хотелось бы сказать иное слово,
Но повторяю снова я и снова:
Все возвратится на круги своя:

Все возвратится на круги своя:
И тот в чести, кто некогда оплеван,
Опять полюбит страстно Казанова -
Все возвратится на круги своя.

Все возвратится на круги своя:
Пусть эта мысль, по замыслу Природы,
Во всех печалях утешает нас

И заглушит возникший диссонанс,
пусть веру даст в величие исхода...
Все возвратится на круги своя.

РОМАНОВ ВЛАДИМИР

Триолет

Я так люблю мечту мою,
Что сжала мне больные губы,
Чтоб не поведал злым и глупым,
Как я люблю мечту мою.

Но я бегу бесстрастной лупы,
Гоню анализа змею.
Я так люблю мечту мою,
Что сжала мне больные губы.

АНИКИН ДМИТРИЙ

Не отрекайтесь от отцов.

Не отрекайтесь от отцов,
Чего бы вам ни говорили,
Какой бы карой ни грозили,
Не отрекайтесь от отцов.

Вы верьте с чистой простотой,
Что ложны черствые морали,
И как бы вас ни убеждали,
Не убеждайтесь ни за что.

Ведь было все не так давно:
Тепло и ласка сильных рук,
Но жизненный был первый круг
Рукою случая стальной.

Но в дни побед иль поражений,
Во дни ошибок роковых
Не отрекайтесь от живых
И мертвых. Грешным же – прощенье.

Вино надежд и вожделий
Мы пили и, смотря вперед,
мы верили, что для свершений
Нас бог и слава ждет.

Но ветер северный, колючий
Принес нам ясность – белый снег,
Гляди, гляди – по горной круче
Бредет усталый человек.

Визжат разорванные струны,
Бредет в лохмотьях одежд,
Не выдержав крушенья юных
И столь любимых им надежд

Надежда – хрупкое творенье,
Бывает твердой, как гранит.
Переживая все крушенья,
Она в душе его болит.

Куда ведет его дорога?
Неделям, дням потерян счет.
Куда ведет его дорога?
Наверняка там счастье ждет.

ПАВЕЛ БЫСТРОВ

Лесное озеро

Лесное озеро – тарелочка
Над желтой скатерти из мха,
А в ней уха из разной мелочи,
Еще не сваренной пока.

Закинешь леску-самоделочку.
А ну, карасики, вы где?
И любопытная, как девочка,
Замрет лягушка на воде.

Она глядит лукаво, пристально,
На поплавок, на рыбака,
Но вот сверкнет живую искрою
Рыбешка, падая с крючка.

Ей повезло сегодня, маленькой,
Ушла, и пусть себе живет.
И лягушонок без купальника
Смеется, выпятив живот.

АНДРЕЙ САЛИМОВ

Есть сон, что забыть не могу.
Мой сон, глее в неистово-синем,
прозрачно-искристом снегу,
Рыжея, горят апельсины.

Мират, мой таинственный друг,
тебе улыбаюсь счастливо,
Увидев в огне на снегу
Не только пустую красоту...

И меркнет серебряный круг,
Звеня, будто жаром осиним.
И брошенный в синюю мглу
Танцует пожар апельсинов.

На синем упругом снегу.
На звездном и звонком снегу...

Набросив вьюжную вуаль,
пургой зима поет в ночи.
Мерцает огонек свечи,
В глазах судьбы играет сталь.

И непонятен и упрям
Упругий ритм ее шагов.
Опльвиший воск неслышных слов
Ломает мыслей лишний хлам...

Легко понять, но не помочь,
легко забыть, но не сберечь.
Пусть гаснет свет прощальных встреч,
Пусть ярче, ярче светит ночь.

О, сладкозвучная печаль,
Звнящий звук, манящий зов.
Дождем чудесно-нежных слов
Струится по моим плечам.

О, сладкозвучная печаль,
Твоих не видно берегов.
мирит безжалостных врагов
Твоя волшебная печать.

О, сладкозвучная печаль,
Скрывая звук судьбы шагов,
Златым вином тончайших слов
Пьянишь мой разум по ночам.

Моих несбывшихся начал
Благоуханная печаль.

Заколдованный сад
полон жесткой травой.
умирает закат
Над моей головой.

Пан – туман разбросал
Космы влажных седин,
Одевая в хрусталь
Листьев сочный сатин.

И поют голоса
Про герани и дождь,
И закат полоса,
Словно жертвенный нож.

И в багряном бреду ,
В сизой дымке один,
На колени паду
И взмолюсь : «Снизойди!»

ШАНИНА НИНА

Возраст – самый лучший обманщик:
Просто есть одни и другие.
И кому-то солнечный зайчик,
А кому-то клятвы пустые.

Просто взрослый не верит в сказки,
Ну а дети открыты свету,
Просто годы стирают краски,
А взамен – на вопросы ответы.

Просто взрослый упорно верит
В то, что в жизни опыт лечит,
Но прошедших лет потери
Не заменят детский лепет.

И глаголит справедливость
Все ж ребячьими устами,
а с годами лишь сонливость,
А не опыт будет с нами.

Просто взрослые ошибки
Все похожи друг на друга,
Потому непогрешимым
Взрослого состарит вьюга.

Просто дети, ошибаясь,
Улыбаются преградам,
И в конце концов стараясь
Все ж дойти, куда им надо.

Просто взрослый – это взрослый,
он как будто занят делом,
Он бежит по жизни кроссом,
Жизнь им прожита лишь в целом.

Частность же осталась детям,
Что смогли остановиться,
Увидать, что в свете белом,
Что такое там творится.

Если встретишь человека,
В чьем лице огонь улыбки,
И пусть прожил он полвека,
Здесь не может быть ошибки.

Мир он видит много ярче,
Словно в первый раз, с пеленок,
Значит, пред тобой не старец,
Ведь душою он ребенок.

БОГДАНОВА ИРИНА

Маленькая трилогия

1.
В небо тянутся грустным пожаром
Ветки осины.
Бабье лето оставило в поле
Последние силы.

Бабье лето, мелькнувшее звуком
В осенних страницах.
Никогда я не видела слез
В порыжелых ресницах.

Никогда я не знала разлук,
До того неизбежных.
Сосны шепчутся, шепчутся вслух...
Я не верю надеждам,

Обреченным на вечный провал
В суетливом разрыве.
Этих выпцветших глаз удивленный овал
Понимаю впервые.

2.
Наверное, этого не было.
Показалось случайно, поверилось.
Скоро все будет белое.
Скоро судьба изменится.

А может, когда-то и все-таки?
А я позабыла, оставила.
Все изжилось так хлопотно
И даже чуть-чуть поранило.

Наверное, это привиделось,
Когда я ромашки гладила.
Сердце все билось, тикало
И с прошлым совсем не ладило...

3.

Ложится снег неровной полосой.
В подсвечниках дымят кривые свечи.
И подоконник бледной рукой,
Как кошку, гладит одинокий вечер.

И в телефонной трубке пустота
Нанизана на золотые нити.
Мне все равно, что говорит молва.
Я Вас люблю. А Вы так крепко спите.

Романс

Расскажите мне Ваши сны,
растолкуйте листвы полет.
Не дожидаться своей весны
Только тому, кто ждет.
Заберите в горсти туман,
заколдуйте беду лесов,
Показать ли морщинки Вам
От невозвратных слов?
Обманите излом бровей,
Оборвите больную нить.
Разве можно любить сильнеей,
Если пора забыть?...

КУЗНЕЦОВА МАРИЯ

Серое, серое, серое небо,
Серый воздух, серый снег,
Серая быль и серая небыль,
Серые слезы и серый смех...

Только в глазах зеленых-зеленых,
Словно тайги безбрежная даль,
Нет ни обиды, ни слез соленых,
Только зеленая печаль.

Желтое солнце в глазах искрится,
Светлой любви голубая грусть.
Жизнь пролетает, как белая птица...
а, ну и пусть!

Теплый дождь, только ты со мной ласковый,
Милый дождь, я тобой умылась,
Ты сквозишь, словно первые ласточки
Улетают за тем, что не сбылось.

Все забыто, мне вновь не печалится,
И в душе только отзвук глухой,
Это в жизни однажды случается...
Теплый дождь, оставайся со мной!

На зеленых листках пробудилась
Свежесть тускло ушедшего дня,
на соленых щеках, как из милости,
Летний дождь ласкает меня.

Тишина, словно песня звенящая
В колокольчиках капель тоской...
И прозрачность, как радость звенящая,
Словно ты не прощался со мной...

ГАЛКИН НИКОЛАЙ

Если б был я птицей,
Я б хотел летать,
А не в тесной клетке
День и ночь скучать.

Крылья б я расправил,
Взлетел выше орлов
И не боялся б хладных
Я северных ветров.

Кормило б меня море
И ветер иногда,
Но был бы я свободный,
Свободным был всегда.

КУЗНЕЦОВА ЮЛИЯ

Осень
Наступила осень золотая,
Золотою стала к дому тропка.
Листья желтые с деревьев опадают,
Хмурый дождь в окно стучится громко.

Реже солнце в небесах нам светит,
Птичий гам давно уже не слышен.
Наступила осень золотая,
Грустно опадают листья с вишен.

БОГДАНОВА АННА

Вы, кого я любила без памяти,
Исподлобья зрачками касаясь,
О моей любви даже не знаете,
Ибо я ее прятала, каюсь.

В этом мире, морозном и тающем
И цветущем под ливнями лета
Я была Вам хорошим товарищем,
Вы, надеюсь, запомните это.

Вспоминайте с улыбкой – не с шуткою -
Возражавшую Вам горячо
и повсюду ходившую с сумкою,
Переброшенной через плечо.

ДМИТРИЕВ АНТОН

Собака

У меня была собака,
Я ее любил,
Она тапочки сожрала -
Я ее любил,
Она писала на коврик -
Я ее любил,
Весь линолеум изгрызла -
Я ее любил
Я сказал своей собаке:
«Видишь, все терплю!»
И ответила собака:
«Я тебя люблю».

ИВКИНА АЛЕКСАНДРА

Осень

Склонились березки к тропинке,
Шуршит под ногами листва,
Как будто иду на поминки
Зеленого лета я...

Зарево рябин и пламя осинок
С шумом горит и пылает,
Их искры лежат посреди тропинок,
Подует ветер – и листья взлетают.

Язычки огня задевают меня,
Все деревья горят – полыхают,
Все луга и поля
От тяжелых колосьев вздыхают.

Мать и дочка березки
стоят желтые, красные,
Распустил дождик слезки,
Плывут тучи ненастные.

Плачет лес от дождя,
Лес горит без огня,
Держит осень за гриву коня.

ПРИВЕЗЕНЦЕВА ЕКАТЕРИНА

Солнце скрылось за рекою,
Где-то там.
Золотой идет княжною
Осень по лесам

И срывает все листья
С кленов и берез,
И стоят они одни
Средь печальных грез.

ГОЛОВИНА АНАСТАСИЯ

Зимний дождь, ты меня извини,
Опоздал ты ко мне на полгода.
Может, видя страдания мои
Часть тепла мне подарит природа.

Извини, зимний дождь, извини,
Но уже не согреть мои чувства.
Запоздалая ласка весны,
Так случилось, в моей душе пусто.

Извини, зимний дождь, но теперь
Лучше спи, чем вода под ногами,
И пускай похоронит метель
Грусть и слёзы мои под снегами.

Уходи... Но когда вдруг запахнет весной,
Ты откроешь парад вешних ливней.
Я отдамся тебе, о дождь мой,
Первый дождь, и вовсе не зимний.

БУЯНКИНА АННА

Тебе

Прочитай мне поэму о солнце,
Погляди со мной в ясное небо,
Загляни ко мне утром в оконце,
Отломи мне горбушечку хлеба.

Принеси мне цветы полевые,
Колыбельную спой мне под вечер,
Подари мне игрушки живые
И зажги в нашей комнате свечи.

Осветились лучезарной улыбкой,
Заплети мой волосы в косы
И вплети жемчуга в них морские.
И лишь утром блестящие росы.

Прочитай мои мысли, как книгу.
И погладь меня, словно малышку.
Я заплачу от счастья, ты скажешь:
«Что ж ты плачешь, родная, глупышка!»

ЧИЧЕРИН ГЕОРГИЙ

Мой щенок

У меня живёт щенок,
Ростом он не так высок.
Чёрный нос, короткий хвост,
Глазки голубые, очень озорные.

Любит спать и любит есть,
Любит под диван залезть.
Любит мячиком играть,
Любит кошек погонять.

Любит игры и веселье.
Вам поднимет настроенье.
Вот какой он мой щенок.
Ростом он не так высок.
Чёрный нос, короткий хвост,
Глазки голубые, очень озорные.

КУЗНЕЦОВА МАША

Звёзды

Звёзды мерцают тихо во тьме,
Освещая таинственно небо.
Их видят и Зевс, и Деметра во сне,
И смертные смотрят на небо.

Любуется вами весь мир, вся земля,
И люди любят вас.
Любуемся вами... Но нам никогда
Вас не потрогать руками.

Какие вы, звёзды?
На этот вопрос никак не найду я ответа.
Холодные, строгие, чёрствы вы,
А может быть, вы чутки и добры
И можно от вас ждать совета?

Молчите...
Да можно ль от вас ждать ответа?
Не буду я больше спрашивать вас,
А буду смотреть, восхищаясь,
Как тёмная бездна тысячью глаз
На землю глядит улыбаясь.

МАКЕЕВА ОЛЬГА

Я твой талант пою и распеваю.
И преклоняюсь я пред именем твоим,
Я при игре твоей безумно таю,
Не в силах править чувством я своим!

Да, ты актёр, а я всего лишь зритель,
Да, ты силён, а я как луч слаба,
Аплодисментов ты моих смотритель;
Ты чашу восхищенья пьёшь до дна.

Вся жизнь твоя – это большой театр
И роль свою играешь в цвете лет,
Поставлена на карту славы дата,
И виден восхищенья яркий свет.

Играй! Чтоб тело вникло дрожью,
Играй, чтоб стыла в жилах кровь,
Играй, чтобы всего дороже,
Была моя к тебе любовь!

КСЕНОФОНТОВА НАДЕЖДА

Ты в классе у раскрытого
(Сюжет давно забытой песни старой)
Приветливым лучом озарена,
А рядом он склонился над гитарой.

К его руке притронешься рукой,
Улыбку глаз, как бабочку, поймаешь
И тихим голосом попросишь: «Спой,
Я так люблю смотреть, как ты играешь!»

И зазвонит упругая струна,
Его рукою за душу задета,
О том, что за окном царит весна
И кто-то от кого-то ждёт ответа,

О том, что где-то на краю земли
Два сердца наконец нашли друг друга.
И, крепко взявшись за руки, ушли
За горизонт обыденного круга.

А впереди – романтика дорог,
Безоблачные летние рассветы.
И лишь двоим любовь даёт урок
И открывает вечные секреты.

Сделан безумный шаг,
Все уже позади.
Серым комочком страх
Скорчился на груди

Прошлого не вернуть,
Будущее во мгле,
Короток странный,
Пройденный на земле.

Знала ли ты любовь?
Не получив ответ,
Сердцу рассудок вновь
Шепчет: «не знала, нет»

Долго ее ждала,
Сбившись со счета дней.
Горем она была -
Не вспоминай о ней.

Будут цвести сады,
Взоры огнем гореть,
Только не сможешь ты
Людям в глаза смотреть.

Кто-нибудь крикнет вслед:
«Эй, не продешеви!»
Много узнаешь бед,
Но отомстишь любви.

ЗЯЗИНА ЛЮДМИЛА

Наш Пушкин

Поэт в России больше, чем поэт,
Он и судья, и совесть, и учитель.
Поэту первому в России – двести лет,
Он гордость, слава, но и наш мучитель:

Он не дает нам благостно дремать,
Он дарит душам радость пониманья,
И заставляет нас себя понять,
И будоражит ум, и совесть, и сознание.

Мы помним с детства сказки и стихи,
Мы любим повести его, трагедии, поэмы.
Ведь Пушкин вечен, и слова его легки,
Но голос истины в них, голос Мельпомены.

КАРЕВА ИНЕССА

Ребенок тихо спал в коляске,
Когда в далекую ту ночь
Солдат со свастикой и в каске
Увез ее из дома прочь.

Солдат, который привкус крови
Давно не понаслышке знал,
Вдруг резко вздрогнул, вздернул брови,
Когда ребенок зарыдал.

И покати́лась та коляска
Навстречу пулям в темноте.
Да, жизнь была, увы, не сказка
Иль вовсе не было уже...

И были битвы, были слезы,
В прах превращались города,
Осталась только жизни проза
Да на могилах имена.

Прошли года, все изменилось...
И тот солдат уже седой,
Но все ж ночами часто снилось:
Коляска, плач да танков вой.

БЕЛОВА ОЛЬГА

Просто жизнь

(сохранена авторская пунктуация)

Помнить любить страдать плакать стараться выжить
делать и выбирать просто любить в жизни
вдруг разбежаться упасть встать и пойти дальше
сделать последний шаг сделать его бесстрашно
ранить глаголом сердце строки писать всю жизнь
заставить светить солнце когда закончилась жизнь
сделать луну прекрасней и разукрасить звезды
сделать улыбку страстней сделать муку бесслезней
просто сказать люблю в час когда нет любви
тихо сказать уйду в день как не станет земли
тихо играть аккорд молча писать стихи
чтобы день шел за год чтоб запомнит слова любви.

ДЕМБИНСКАЯ НАТАЛЬЯ

Гудит, гудит, голова-кочан,
Теряя мысли, как стрелы колчан.
Иду, и асфальтовой лентой послушно
Ложится под ноги сумрачный город.
Кричать хочется: вокруг так пусто!
Хотя, наверное, это не повод.

Но надоело!
И этот город, зачем-то нужный,
Где просто принимаешь за данное
Небо белое будто манное
И мелкий дождь... Подумаешь важность!
И эта серых дней вереница,
И вновь попытки с собой подружиться,
И те же споры, и разговоры,
И времени как будто навалом,
Но чтоб быть понятой – слишком мало.

Толпа – картонные силуэты прохожих.
Боже! Как они все друг на друга похожи!
И никого настоящего, ну живого!
Кругом глаза их, пустые и ясные,
И лица – одни восковые маски,
И души такие же, и образ мыслей -
Да все!
От них никуда не смыться.
А наплевать... Устала!

Поворачиваю – каморка какая-то,
Вдали маячат пожарные каски...
Толкаю дверь:
Разбитые стулья, тусклая комната, чёрный котёнок и ...
Слепой художник масляной краской
На стенных драных рисует сказки.

БОРТКЕВИЧ АРТЕМ

Я выше себя

Признать, что ты не прав – совсем не значит сдаться,
Сменит занятие – не трубить отбой.
Мы созданы, чтоб мы могли наверх взбираться,
Ты должен выбрать жизнь в ладу с собой....

Если успехи не могут быть только моими,
То хоть провалы пускай несут мое имя...

ОСАДЧЕВА АНАСТАСИЯ

Рябина брызнула на снег,
И оглянулся человек.
Он долго глаз не отводил,
Стоял, смотрел, не уходил.

О чем напомнила она
Холодным зимним днем?
О том, что сердце так его
Зажглось пылающий огнем.

БЕЗ АВТОРА

Ты мне нужен

Ты мне нужен, как небо птице,
Ты мне нужен, как рыбе вода,
Я закрою глаза, пусть мне снится,
Что мы вместе с тобой навсегда.

Пусть мне снятся бессонные ночи,
Проведенные в дерзких мечтах,
Пусть мне снятся бездонные очи,
Утопающие в слезах.

Пусть слеза по щеке катится,
Пусть другая спешит за ней.
Я открою глаза, пусть мне снится
Та бессонница летних ночей.

САФОНОВА ЛЮДМИЛА

С каждым годом жизнь становится быстрее.
Жизнь как информации поток,
Как реки стремительной течение,
Как мельканье на экране строк.

Будто мчишься ты в автомобиле
В окружении других машин,
И нельзя ни оглянуться, ни отвлечься,
Слышно только визг и шорох шин.

Может, выбор и маршрут назначен,
И другого нету продолженья.
Все начертано и предназначено –
Продолжать в этой гонке движение.

Ну, а может, стоит задуматься,
Может, стоит застыть на мгновение.
Мир пока остановится тоже –
Созерцание – тоже движение.

ВОВНА АЛЕКСАНДРА

Исповедь

Памяти отца

Как много в жизни испытаний,
Их все нельзя преодолеть.
Как тяжело нам всем бывает,
Когда вблизи мы видим смерть.

Когда в последние минуты
Не можем сделать ничего
И молча опускаем руки,
Ведь всё теперь предрешено!

Когда внезапно понимаем,
Как мало в жизни сделал ты
Для тех, кто нынче умирает
И кто так жаждал теплоты.

Когда вблизи нас все темнеет,
Не слышно голосов людей,
Видна лишь бездна, что мрачнеет
От моря слез и призраков теней.

Зачем мы, люди, так жестоки?
И почему нельзя понять,
Что тех, кто потерял дороги
Нам нужно просто поддержать.

А мы не держим, мы теряем...
И, лишь увидев этот мрак,
Мы понимаем: всё б отдали,
Чтоб не случилось оно так.

ГАВРИЛОВА АЛЕКСАНДРА

Осень

Осень пришла. Играет гитара,
По парку гуляет влюбленная пара.
И юный художник с чистым мольбертом
Хочет поведать миру об этом.

Ветер подул и листья пустил
В танец безумных ярких светил.
Под липой сидевший старый поэт
Зябко накинул клетчатый плед.

Вечер настал, замолкла гитара.
В дальней аллее целуется пара.
Сложены вирши, и сложен мольберт.
Юный Пикассо идет на обед.

МИХАЙЛОВ НИКИТА

Мой сон и слон

Однажды мне приснился сон:
Меня пришел проведать слон.
Пока на лифте ехал он,
Вдруг окончился мой сон.

Уж если в гости ждешь слона –
Спи до конца такого сна!

Не порвется никогда.
Но навсегда
Он – Арлекин.
Один.

ГОРСКАЯ ЮЛИЯ

Я в глазах твоих утону, можно?
Ведь в глазах твоих утонуть – счастье!
Подойду и скажу: «Здравствуй!»
Я люблю тебя, слышишь? Сложно?

Нет, не сложно, а трудно,
Трудно мне любить тебя, веришь?
Подойду к обрыву, круто?
Буду падать, поймать успеешь?!

Ну, а если уеду – напишешь?!
Значит вместе, всегда, хочешь?
Я хочу быть с тобою вместе.
Ни минуту, ни месяц – долго!

Очень долго – всю жизнь, понимаешь?!
Я ответа боюсь, знаешь?
Ты ответишь мне, только молча,
Ты ответишь глазами, любишь?

Если «ДА», то тебе обещаю,
Что ты самым счастливым будешь!
Если «НЕТ», то тебя умоляю:
Не тяни своим взглядом в омут,

Пусть другую ты любишь, ладно,
Но меня хоть немного помни.
Я любить тебя буду, можно?!
Даже если нельзя – буду!

КУРАКИНА МАРИЯ

Осень

Как хочется осенью поздней
Листовою в лесу пошуршать,
Бродить по утоптаным тропкам
И воздухом свежим дышать!

Пройтись по полям опустелым,
Понюхать пожухлый цветок
И запах запомнить опрелый
До будущей осени впрок.

КОВАЛЕВА ИРИНА

Звезды не падают с неба:
Много для нас чести,
Чтоб среди белого снега
С звездой лежать вместе,

Чтоб в золотом ореоле
Звездных лучей греться
И вспоминать поневоле
Теплые дни детства.

Кровь из груди льется,
Смертию сталь стала.
Враг пусть теперь смеется,
Но с неба... звезда упала

И опустилась рядом,
Скорбью лучи сложила,
Снег прожигала взглядом,
Грела мне кровь в жилах.

Раны давно уж нету...
Солнца луч льнет к изголовью.
Зима поменялась с летом,
А я ту звезду помню.

Жить – это вовсе трудно.
Мне каждый вздох – болью.
Слышен ли глас трубный
Посреди бранного поля?
Лесом ли лихо крадется?
Или же степью скачет?
С древности уж ведется:
По нам ручей плачет.
По нам шуршат травы,
По нам кричат птицы.
Скорби высоко право,
Что же тут веселиться?
Смерть – это тоже не проще.
Каждая боль – светом.
Слышится мне в роще
Свист соловья летом.
Видится. Как весною
Лед на реке треснул,
Или под древней сосною
Брат мой поет песню.
И на холме высоком
Шелком лежат травы.
Как не нарушить мне ненароком
Жизни святой право?

КАЙ

Вечность... Льдинками выложи слово.
Снежными бурями повелевай.
Что же, скажи мне, в этом такого?
Ты объясни мне, мальчик мой Кай.

Вечность... Блестят золотые кусочки
Хладного недолговечного льда.
Скажешь: они не достойны и строчки,
Это ведь в сущности просто вода!

Вечность... так что же в сущности это?
И почему она нас так влечет?
Нам не ответит холодное лето.
Северных скал молчаливый почет.

Вечность... Всего лишь песчинка простая.
Времени сила раздавит её.
Не ошибиться бы нам, выбирая,
Жизнь же ведь с болью вырвет свое.

Вечность... Льдинками выложи слово.
И возвращайся скорее в свой край.
Знаешь ведь сам, нам не нужно чужого,
Ты возвращайся, мальчик мой Кай.

ТИДЖИЕВ ДМИТРИЙ

Умрет когда-то идеал,
Исчезнут мысли о любви,
Герой покинет пьедестал,
Нет объяснений – c'est la vie!

Однажды

Гром гремит, иду по лужам.
Ночь. Луна. Остывший ужин
Дома ждет, он мне не нужен!
Дождь идет, я словно в душе...

Необычное сиянье,
Тихий шепот ярких звезд!
Ветра слышно завыванье;
Что же в будущем грядет?

Вот береза колыхнулась,
Я сижу на берегу...
Мать-природа улыбнулась;
Я давно чего-то жду...

Потолок. Свет.
Звонок. Ответ.
Мысли. Вслух.
Слезы – пух.
Лампа. Горит.
В голове. Звенит.
Удар. Тишь.
А ты. Молчишь.
Зачем? Врешь!
Ответа. Ждешь.
Рука. Дрожит.
Душа. Трещит.
Время. Вспясть.
Мысли – гладь.
Люби. Хоть здесь.
Я твой весь.
Границ. Нет.
Любовь – бред.
Ждать. Терпеть.
Верить. Тлеть.
Забывать. Понять.
Остыть. Принять.

НИКИТИНА ПОЛИНА

С тобой мы встречаемся каждую ночь,
Не веря ни снам, ни рассудку,
Коль знала бы как, прогнала б тебя прочь
За эту жестокою шутку.

Скажи мне, зачем ты приходишь опять?
Ведь слёзы рукой утирая
Ты сердце моё заставляешь страдать,
Всё светлое в нём убивая.

И не радостно, и не грустно мне,
Всё вокруг плывёт, будто я во сне.
Кто-то вдруг забрал дорогую вещь,
И не удержать, и не уберечь.

И не знала я, что момент придёт
И её навек кто-то заберёт...
И не думала я её ценить,
Без неё могла я прекрасно жить.

И не радостно, и не грустно мне,
Всё вокруг плывёт, будто я во сне.
Кто-то вдруг забрал дорогую вещь,
И не удержать, и не уберечь.

И не знала я, что момент придёт
И её навек кто-то заберёт...
И не думала я её ценить,
Без неё могла я прекрасно жить.

СИДОРОВА ДАРЬЯ

Снова рву ромашки в поле,
Обрываю лепестки.
Но не знаю, верить стоит
Всем сомненьям вопреки?

Любишь ты меня - не любишь?!
Вдруг ромашки угаят.
Вот уехал и забудешь,
И разлуке только рад.

А мои мечты - с тобою,
В моём сердце ты живёшь.
Я любви своей не скрою,
Только б знать, что встречи ждёшь!..

Только б знать, что любишь тоже,
Мне бы легче было ждать!
А сомненья вновь тревожат.
Может, снова погадать?!..

Твои розы - они были не мне,
Твой приход - он был не для меня.
Не припомню среди множества дней
Я такого несчастливого дня.

Я страшилась посмотреть на тебя,
Встретить вновь равнодушный твой взгляд.
Я кусала губы, муча себя.
Как душа, они горят и болят.

Я напрасно истомилась тобой.
Взор твой светел, он не знает огня.
И не мне поцелуй будет твой,
Как и сам ты не для меня.

ШАБАЛОВА ИРИНА

Звёзды

Иду домой, смотрю на небо,
Мне звезды освещают путь.
Хочу к груди твоей прильнуть,
Хочу отчаянно, нелепо.

Они лишь смотрят равнодушно,
Молчит мерцающая ночь.
Должно быть, там, на небе, скучно,
На нас смотреть уже невмочь.

Они глядят на нас веками.
Мы здесь и любим, и скорбим...
И наблюдать так странно им
Все, что творится между нами...

Как мимолетны все желанья!
Лучами света взмоют ввысь!
Живое сердце, ты не рвись –
Их много: встречи, расставанья...

Все это звездная лишь пыль
На черных рукавах Вселенной,
Любовь в волне утонет пенной,
Неважно, сказка или быль.

И в вечности померкнут страсти,
Но каждая оставит след,
И жив, прекрасный, как кларнет,
Звук поцелуев на запястьях...

УКОЛОВ ПАВЕЛ

Цветок

Сиял свободой, красотой
Цветок один средь бела дня.
Сорву его, возьму с собой-
Пусть просияет для меня...

Вчера он цвёл, сиял, красивый,
И ароматом дивным пах,
Но умер он сегодня, милый,
И превратился ветром в прах.

И было это неизбежно,
И я его похоронил.
Вчера сорвав его небрежно,
Я радость жизни в нём убил.

Зачем же я его сорвал?
Зачем свободы я лишил?
Наверно, я тогда не знал,
Что вазы дом ему не мил.

Дубровка

Среди Московских улиц шумных,
Среди монастырей и храмов,
Тенистых парков многолюдных,
Среди проспектов и бульваров.

Среди туннелей и мостов,
Среди музеев, галерей,
Среди запутанных дворов,
Среди берёзовых аллей

Одна есть улица - её
В Москве прекрасней не найдёшь.
Тебе тут улыбнётся всё,
Когда по ней пешком пройдёшь.

И я люблю ходить по ней!
Домов старинных тут штук двадцать,
Здесь есть дома моих друзей,
И дом под номером 16.

И здесь машин не так уж много,
И здесь не знают слова "пробка".
Моя просторная дорога,
Мой тихий рай, моя Дубровка.

ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ

Туман

Я ступаю бесшумно, как вор,
Предо мною тумана стена.
И куда я не кину свой взор
- Белизна впереди, белизна.

В голову только вопросы приходят
Где я? Кто я? Какой сейчас век?
И неизвестность тоску лишь наводит
Был ли когда-нибудь здесь человек?

"Ах, святой ангел, прошу, помоги!"
Снова и снова взываю с мольбой
На километры не видно ни зги...
Видно придется смириться с судьбой.

ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ

Автомодороги сложились в кольцо.
И окружили. Сдавили в тисках.
Мокро и холодно. Ветер в лицо.
Город пульсирует кровью в висках.

Следом асфальт догоняет рекой.
В этой реке захлебнусь. Утону.
Осень накрыла холодной рукой.
Кружит. Смеется. И тянет ко дну.

Краски поблекли и скоро зима.
Слишком тоскливо и пусто в груди.
Давят на плечи мосты и дома.
Снежные месяцы ждут впереди.

Я квартиру наполню ароматом сандала...
Улыбнувшись, я вспомню, как к утру засыпала,
В те бессонные ночи, когда резко стемнеет,
Станут звуки короче, ну а тени - длиннее...
В темноту было страшно сделать шаг и увязнуть.
Что за ним будет дальше? Этот страх как-то связан
С бледно-жёлтой луною, что блуждает по небу...
Чтоб не быть ей одною, с ней поплыть рядом мне бы...

Рассказать о земле, о скитаниях вечных
И спросить, сколько лет Путь продержится Млечный.
Пусть откроет мне тайны, что столетия скрывала,
О путях мирозданья и законах астрала.

В душной комнате лежа, боюсь задохнуться...
И, смотря в потолок, я считаю планеты.
Вот бы в водную гладь мне сейчас окунуться
Не скучать по друзьям, по родным, Интернету...

Я б оставила дом и вообще этот город.
Взяв с собою палатку, тебя да гитару!
И уехала бы... а куда...Да хоть в горы!
Взявшись за руки, к Солнцу! Подобно Икару!

Разве важно, куда, если ты будешь рядом?
Если буду я слышать твой голос счастливый,
Буду долго смотреть на тебя нежным взглядом
И стихи о любви сочинять торопливо.

Как возмутительно смешна и коротка
Жизнь серебристого ночного мотылька!
На крыльях - светлая, нежнейшая пыльца,
А он в огонь летит, похожий на слепца.

Чудесный мотылек, лети же в ночь, не жди!
Кто знает, что подстерегает впереди...
Что ждет, попутные иль встречные ветра?..
А может, только смерть во пламени костра.

Падает осень золотыми листьями,
Крыльями машет в предутреннем небе.
Стаями листья плывут под мостами,
Я же держусь на воде и на хлебе.

Кончились деньги, и кончилось лето,
Теплые ночи, ребячьи капризы...
Снова поэты слагают сонеты,
Осень коварно подносит сюрпризы

УКОЛОВ ПАВЕЛ

Шахматово

Снежинки падают, кружатся,
Танцуя вальс холодных дней,
И мелким бисером ложатся
На склоны гор, холмов, полей.

И я иду по той земле,
Где Блок писал, творил, трудился,
Где сам с собой наедине
Он за страну свою молился.

Где ночью тёмной в кабинете
Он окна настежь раскрывал,
И где при тусклом лунном свете
Стихи прекрасные писал.

А за окном пейзаж прелестный,
Вода давно укрылась льдом,
И воздух здесь такой чудесный,
И всё покрыто серебром.

Я не могу налюбоваться
Души манящим островком.

И как же грустно расставаться
Мне с этим дивным уголком.

Нас унесёт теченьем рек,
Растает снег, наступит лето.
Но не забуду я вовек
Усадьбу русского поэта.

ВАСИЛЬЕВА ДАРЬЯ

На кедах полоски.
В сумке наброски.
Пустой кошелек, я стою у киоска.

На улице дождь.
Без зонта. Капюшон.
В руке телефон, вопрос не решен.

До дома недолго.
Но медленный шаг
Время продлит, но мысли спешат.

Спокойно по лужам.
Промокла до нитки.
Звезды большие, как золота слитки.

Романтика, улица,
Цунами волна -
Все это дождь, а я снова одна.

ПISКУНОВА НАСТЯ

Последний лист утонет в грязной луже.
Ты вроде бы когда-то был со мной.
И сердце полностью заполнено тобой.
Но снова вспомню я, что мне никто не нужен.

Ты настроишь мне скромное "Привет".
Я то же самое тебе скажу-ответу.
Опять, в который раз я не замечу
Давно подаренный тобой сухой букет.

И снова прошепчу, что не люблю.
И снова улыбнусь друзьям-проходим.
И снова я поверю в то, что сможем
Забить давно забытую любовь свою...

ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ

Хочется утром снега, хочется время вспять...
Прыгнуть в сугроб с разбега, разом весь мир обнять,
Чтоб намочить ботинки и рассуждать о том,
Как нам ловить снежинки правильно нужно ртом...

Чтобы теряли смысл песни, стихи, слова,
Если кружить их в мыслях, будто они - листва.
Чтобы проснуться рано и не бежать туда,
Где в суматохе пьяной сходятся поезда...

Чтобы однажды ночью выдумать новый мир,
Где и законы - в клочья, где и король - вампир.
Бабушка вновь под елку прячет "ну погоди",
Если б всегда на полке были те бигуди...

Чтоб, на качелях сидя, ноги - вновь на весу...
Если никто не видит - поковырять в носу...
Чтобы был страх - потемки... "Чья это там рука?..."
Чтобы хотеть котенка... чтобы хотеть щенка...

Чтобы под вечер слушать сказку, где Чук и Гек,
Громко смеяться в душе, пену сдувать, как снег...
Плач твой - тебя жалеют, хохот - смеются все.
Память моя лелеет детство во всей красе.

Месяц тишины.
Месяц без тебя.
Лезвие луны
В пальцах теребя,

Я захлопну дверь.
Выдохнуть. Вдохнуть.
В небеса, поверь,
Я продолжу путь.

И по крыше в ночь
Больше не боюсь.
Я уснуть не прочь.
Только ведь - проснусь...

Я могу предать.
И простить могу.
Мне зимой лежать
Следом на снегу.

Чувств недолог век,
Безгранична высь.
Я - лишь человек.
Осознай. Смирись.

Видишь, мир в зеркалах?...
Тени...Рефлексы...Свет.
Днем - растворюсь в делах.
Ночью - начнется бред.

Дни - как один?...Пускай!
Я об одном прошу:
Слышишь, не отпускай,
Если уйти решу.

Если стремлюсь я в путь,
Просто лети со мной...
Об остальном - забудь.
Это ведь путь домой.

Серое

Реже смеюсь - достало.
Плакать не буду - больно.
Я от всего устала.
Больше не стану вольной.

Только в глазах собаки
Вижу тоску родную...
Хочется лаять в драке,
Клетку порвав грудную.

Хочется крикнуть сердцем,
Чтобы им стыдно стало.
Лица засыпать перцем,
Только этого мало...

Осенью, поздней, хмурой,
Прячу лицо в ладони.
Кровь стала темно-бурой...
Дальше - опять кордоны.

Давят зимы оковы
Серые дни - как птицы
Я вспоминаю снова,
То, что ночами снится.

Весна ушла

Весна ушла. А что наделала?...
С ума свела меня, двулика!
Мясницким ножиком разделала
Нахальная, слепая, дикая!..

Надежду дав, капканы прятала,
Манила в ночь улыбкой, ласками,
Кумарила сандалом, мятою,
Смешила и пестрила красками...

Но заскучав, весна проклятая,
Взглянув с лукавою усмешкою,
Людей, с их муками и клятвами,
Оставила в финале пешками.

В ожидании весны

Скорее бы растаял снег...
Я больше не могу
Терпеть холодный зимний век
И дикую пургу.

Скорее бы пришла весна,
Тюльпаны зацвели,
Земля проснулась ото сна
И мы летать могли..

Я знаю, солнце в небесах
Заглушит нашу боль,
А Грей на алых парусах
Найдет свою Ассоль!

Искала глазами. Губами искала.
По краешкам солнца. На рельсах вокзала.
Смотрела под ноги и видела небо...
Я знала, что встретимся. Где бы ты не был!..

Мотив забывала. Но снова в надежде
Тебя я искала...Ну где же ты, где же?..
Еще поворот. И железные двери.
Я знаю, я помню...Я вижу, я верю!!..

Вот ты...И внутри порвалась перепонка,
Так хочется вскрикнуть, расплакаться звонко,
Обнять и прижаться. Но кто бы ответил...
Неужто ты, правда, меня не заметил?..

Мне зимой надоел снег.
Черно-белый пейзаж крыш.
Безразмерный часов бег
Нарушает души тишь.

Знаешь, трудно унять дрожь
Проходя сквозь лесов глушь...
Снег растаял. Стеной дождь.
Я, наверно, порю чушь...

Хоть слова мои все - ложь,
И пускай ты мне лишь друг...
Я, как нищий, беру грош
Из холодных твоих рук.

Неотесанная, взрывная,
Темно-красная рыжина.
Слабость в теле моя хмельная.
Непохожесть моя одна.

Я открылась, разделась, встала...
У глазниц нет границ и дна.
Белокрылое одеяло...
Непохожесть моя смешна.

Может, кончилось моё детство?
Я забылась в бредовом сне.
Только, если б в знали средство,
Как бы вам не пришлось краснеть.

Ты здесь лишняя, девочка. Просто лишняя.
Загляни-ка сквозь стеклышко им в глаза...
Равнодушие душевное. Суть двуличная.
Ты для них - как стихия, буран, гроза!

Может, стоит взорваться, сказать как следует?
Ну зачем же так мучиться и страдать?
Всю тоску, что повсюду скулит, преследует,
Пропустить электричеством в провода!

Закричать во весь голос, порвать иллюзию...
Вы не верите?
Скажете, что я лгу?!
Я ж над вашими судьбами горько слезы лью,
А вы бисером пляшете на снегу!

Только все бесполезно.
Не все же прокляты.
Горечь крыльев - не каждому. Не для всех.
И застынешь болезненным жалким воплем ты.
Вместо крика заплещется в горле смех...

Будешь искренним, диким, жестоким клоуном.
Будет весело, даже чуть-чуть смешно.
Им ведь сладко?
И здорово, что не солоно!
Только ночью ты будешь скулить в окно.

Ты хотела все вызнать? Узнать?
Пожалуйста!
Кушай, деточка, только не плюй в лицо.
А попробуй кому-то из них пожалуйся -
Будешь дураю, если не подлецом.

И добьешься ты мнимой и лживой помощи,
От которой потухнешь и вмерзнешь в лед.
Так что помни, где жизнь, а где просто овощи.
И не лезь, где не просят.
Не твой черед.

Пока есть вопросы,
Пока я живая -
Полеты и кроссы
От ада до рая.

И слишком не просто
Воскреснуть из гнили,
Вот мой перекресток.
За милею миля.

Ну кто же виновен,
Что нас надо резать,
Что вынуть из бревен,
Меня протезы

На шрамы и раны?!...
К чему эти слезы?...
Тебе еще рано.
А мне уже поздно.

Хочется безоглядности, глупости и беспечности,
Хочется скрыться, спрятаться где-то в шершавой вечности.

Мучаюсь неизбежностью, вижу стальное крошево.
Я не прошу о нежности. Мне бы не помнить прошлого...

Мне бы забыть отчаяние и побороть апатию,
И не искать внимание, равенство, демократию...

Только вращает лопасти память моя измятая,
Тихо толкает к пропасти, давит в тисках, проклятая!

Помню, что детство кончилось. Помню о тяжком бремени.
Лишь бы на одиночество мне не хватало времени

А кому-то дарят цветы, поцелуи, стихи и свет.
И, конечно же, мог бы ты подарить все как надо. Нет?
Я ведь знаю, что хочешь, ждешь и надеешься, как всегда.
И ведь если пожары - ложь, значит правда - одна вода...

Но как только начнешь дарить, заскучаю, наверно, я.
Золотая порвется нить, а привычка - черна змея.
Засмеют меня мои сны, повернусь вокруг своей оси...
Может, губы мои красны, только лютиков не носи.

Может, плечи белей снегов, но не думай о той красе.
Знаешь, сколько в аду кругов? За тебя я пройду их все!
Ты прогнать меня сможешь вон. Ты - безумолчный шепот
струй.

Твой каприз - как приказ, закон...Но со мной все равно войой!

Волосы

Твои волосы пахнут небом,
Листопадом, дождем и светом,
Мне б поймать этот запах, мне бы
Им дышать и зимой и летом

Мне б по ниточками, по кусочкам
Собирать твой прелестный образ,
Я забуду поставить точку,
Я запомню волшебный голос...

И не нужно мне в сердце света!
И не надо кого-то ближе.
Я тоску позабыла где-то,
Я шагаю с тобой по крыше,

Этот мир лишь тобой придуман!
Свет вокруг лишь в тебе прекрасен!
Это сказочной арфы струны,
Это свет от звезды так ясен,

Что внутри загорелось что-то,
Порвалось на четыре части
И запело по чьим-то нотам:
"Это - чудо, свобода, счастье!".

Города

Поскучай по мне, прошу, поскучай.
Я себя тебе всецело отдам.
Дай мне чуточку свободы на чай,
Остальное - дай моим городам.

Города мои - смешные миры,
В них прекрасное похоже на сон.
В них люблю я и живу до поры
Остальное - только горестный стон.

Стон о том, как под землей, глубоко
Кто-то кинулся под поезд ничком.
В этом поезде сидеть нелегко,
Люди ходят по гвоздям босиком.

Люди прячут их пустые глаза
И брезгливо зажимают носы.
Людям страшно тяжело показать,
Что внутри сидят голодные псы.

Псы, которых не кормили сто лет,
И они сошли от злобы с ума.
И в конце они не видели свет.
И в мозги закралась злая тюрьма.

Та тюрьма сейчас сидит и во мне,
Я привыкла к ней, она мне как мать.
Поскучай по мне чуть-чуть в тишине...
Или ты уже не хочешь скучать?..

Ах, Мастер! Это ли грехи?...
Скорей - уже привычка.
Я посвящала Вам стихи,
Столбы...и электрички...

И находились же слова!
Их трудно было прятать...
Их успевала я едва
Писать, строчить, печатать...

Сейчас же слишком далеки
Пороги наших судеб,
На берегу хмельной реки
Меня уже не будет.

Во мне такая тишина,
Что слышен каждый шорох.
Я медленно тяну со дна
Воспоминаний ворох...

Скажите, можно ль измерять
Любовь...в стаканах кофе?!
На полке - с письмами тетрадь
Мечтает о Голгофе...

Я изменилась? Что за вздор?
То - страсти ненормальных.
Вздыхаю, опускаю взор...
Ведь я не идеальна.

И идеальной не была...
И святость - иллюзорна...
И лишь любовные крыла
Велели быть покорной.

Тишина

Меня встречает тишина
И, предлагая чаю,
Мне говорит: "Вот ты - одна.
И я одна скучаю.

Давай же вместе как-нибудь
Мы скоротаем ночку,
Я помогу тебе уснуть,
Придумаю примочку,

Чтобы глаза твои закрыть
И мысли успокоить...
Но почему глаза мокры?
Скажи мне, что такое?.."

Смеюсь в ответ: "Слепы врачи!"
Глупа ты, равнодушна.
Тебе кричи.. и не кричи...
В ответ молчишь. Так скучно...

Мне больно так, что я дышу
Сквозь боль и задыхаюсь.
Я много знаю про ушу?..
Да ты совсем глухая!

Ну что с тобою говорить?
Ты воплей не услышишь..." -
Шепчу, и ускользает нить
Беседы с ней, и мыши

Скребутся в дверь, шуршат в углу,
Часы тихонько плачут,
И я, конечно на полу,
Во сне ищу удачу.

Слова

Сквозь туман, пелену, боль
Те слова серебром в снег.
В голове, как во сне - ноль.
В голове - от себя бег.

Те слова ядом в кровь, он
Растворил и прожег ночь.
Это страшный мой бред, сон
Я уйду, убегу прочь.

Те слова - руки в кровь, в кровь!
Я солгу и предам? Бред!
После этих твоих слов
Я умру, но скажу: "нет".

ВАСИЛЬЕВА ДАРЬЯ

Над пропастью во ржи

Умея правду отличать от лжи,
Спокойно сможем мы поспорить на досуге,
Кто будет малышей ловить над пропастью во ржи,
А кто плясать весь вечер буги-вуги.
Расскажешь мне про истину и цель,
А я тебе скажу, какой дурак ты.
Корабль твой давно уж сел на мель,
А мой же плот ни капли не запятнан.
Ты скажешь мне, что надо быть добрей.
- Ещё добрей?! - Ну, да, ещё хоть каплю.
Отвечу: «Просто надо быть смелей,
Ведь жизнь – всего лишь отпуск неоплатный».
Не знаю я, как мы с тобой сошлись,
Такие разные. Услышьте крик мой, люди!
«Поссорился с любимой? Помирись.
Второй такой с тобой уже не будет».

Люблю

Я устала, я очень устала.
Свою жизнь я б тебе отдала.
Я тебя бы полночи ласкала
И полночи бы мирно спала.

Я устала, я очень устала.
Мую душу рвет на куски
Нескрываемое одеялом
Беспробудное чувство тоски.

Я устала, я очень устала.
Я тобою живу и дышу.
Я тебе бы на ушко шептала:
"Бесконечно скучаю и жду!"

Ленинградский рокн-ролл

От меня пахнет Санкт-Петербургом.
Мои ноги узнали поребрики.
Там хочу я гулять по проулкам,
Отпуская неважные реплики.

И хотелось бы жить мне на Невском,
В Петергоф приезжать в выходные,
Где манят меня сказочным блеском
На фонтанах узоры резные.

И нет сил Петербург мне покинуть.
Я б себя лишь ему посвящала.
Я его не хотела обидеть.
Я вернусь. Я ему обещала.

П Р О З А

АЛЕКСАНДР ХЕЙФИЦ

Банальная история

(в некоторой степени подражание Андерсену)

Дама была влюблена. Ее неизменное пышное розовое платье казалось немного помятым; она не следила за собой, да и возраст оставлял желать лучшего, но она была романтична по натуре и не могла жить, не влюбляясь.

Ее бедные и богатые родственники - а их у нее было целых 12 штук - конечно же, не могли составить ей общество, о котором она мечтала. К тому же, она вовсе не хотела оставаться и дальше старой девой и потому влюблялась очень часто; но сейчас - сейчас она полюбила по-настоящему.

Любовь началась совсем недавно - с тех пор, как она поселилась одна в уютной маленькой квартире, и соседи ее справа оказался Он - она называла его Маркизом, а иногда даже Герцогом, хотя на самом деле он был то ли барон, то ли виконт, - она точно не знала, да и не хотела знать.

Дама была несколько старше предмета своего обожания - но именно этого ей и хотелось. Она жила только мечтами о свадьбе, но свершиться этому событию мешали два обстоятельства: первое - то, что барон - или виконт - ничего не знал о пожаре, бушевавшем под розовым платьем: вследствие романтичности своей природы Дама любила втихомолку; а второе заключалось в следующем: ее соседом слева был старый и толстый денежный мешок. Дама ему положительно нравилась, и он за ней напористо ухаживал. Дама томно отбивалась от его приставаний, убегала в свою комнату и там тихо страдала. Она была романтичная натура, и ей нравилось тихо страдать.

"О нет, - думала Дама, - никогда! Никогда! Только он - мой Маркиз, нет, мой Герцог, Я буду любить его и ухаживать за ним, как за сыном. Скоро - свадьба! Скоро - свадьба!"

Эти приятные размышления нарушил чей-то грубый возглас: "Козырь?!"

Дама вздрогнула. «Наверно, опять этот старый толстяк», - подумала она, впрочем, без особой злости. Она хотела еще что-то подумать, но не успела. Она почувствовала вдруг, что ее со страшной скоростью несут по воздуху. Потом ее отпустили, и она упала, уткнувшись носом в клееночный узор...

В карточном веере в руке Алексея Борисовича образовалась дырка. "Значит, так, - размышлял Алексей Борисович, - козырная червовая дама вышла. Что же осталось? Остались бубновый валет - ах, красавец, - и пиковый туз, и еще "бедный родственник" - червовая восьмерка /Алексей Борисович был человеком не без юмора/. Ну то ж, будем играть дальше..." И он хлопнул об стол бубновым валетом.

Они снова были вместе и лежали голова к голове - она, так пылко любившая, и он, ничего об этом не знавший. Им ничто больше не препятствовало, - ведь толстый пиковый туз остался в руках у Алексея Борисовича, но свадьба - увы! - была теперь невозможна: они не могли уже думать, мечтать, и даже тихо страдать они тоже не могли. Они потеряли способность чувствовать, так как вышли из игры - их жизни.

Когда -нибудь потом, после, снова начнется игра, и, может быть, ее соседом окажется какая-нибудь бубновая четверка. Но ведь не может же она - высокородная Червовая Дама - влюбляться в какую-то несчастную четверку. Ну что ж, тогда придется подождать, пока игра кончится, и тихо пострадать про себя.

А потом - как знать - может быть, ей опять удастся встретиться с молодым Валетом - и тогда - в который раз!- повторится та же нескончаемая, банальная история...

РЫБАКОВА ЛЮБОВЬ

Хорошие люди рядом с нами

(очерк)

Среди многих городов нашей огромной страны есть маленький городок Семенов. Ничем не отличается он от других городов, но мне нравятся его улицы, площади, дома, люди. Живут в этом городе две сестры: Анастасия Александровна Майорова и Марина Александровна Чистякова. По профессии они учителя. Занималась я у них всего три года, но запомню это на всю жизнь.

Они воспитывались в семье учительницы и всю свою жизнь прожили вместе.

Анастасия Александровна - женщина лет пятидесяти, невысокого роста, с блестящими карими глазами. В детстве, по ее рассказам, она очень любила танцевать и даже мечтала быть балериной, но ее постигло несчастье. В одиннадцать лет начался костный туберкулез. Почти три года девочка пролежала в гипсе. Каких усилий требовалось от нее, чтобы три года лежать без движений! И в эти страшные дни, когда у человека рушатся все его мечты, ей помогла книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Навсегда она запомнила слова: «Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз...» После трех лет неподвижности Анастасия Александровна заново училась ходить. Перед каждым человеком, заканчивающим школу, встает вопрос, что делать дальше, как сделать свою дальнейшую жизнь полезной людям. Анастасия Александровна решила стать учителем. Она была одной из первых студенток открывшегося в то время в Семенове педагогического института. По призыву комитета комсомола института, она учится на преподавателя старших классов. Каждый день на

костылях она ходила в институт и по несколько часов сидела в промерзшем здании. И вот институт закончен, Анастасия Александровна - преподаватель.

Начинается Великая Отечественная война. Ее младшая сестра Мария Александровна уходит добровольцем на Фронт, а Анастасия становится медсестрой с местном госпитале. Она с любовью ухаживала за ранеными бойцами. До сих пор ей приходят письма со словами глубокой благодарности за ее доброту и ласку. В конце войны Анастасия Александровна вновь возвращается к своей профессии. Она часто рассказывала нам, как ученики того сурового времени, преодолевая трудности, стремились к знаниям. В этом большая заслуга учительницы. Это она привила им любовь к знаниям. С 1941 - по 1945 г.г. Мария Александровна с честью защищала нашу Родину на фронтах Великой Отечественной войны и, возвратившись, с успехом закончила последний курс института, учебу в котором прервала война. Обе сестры работают сейчас в одной школе. в которой когда-то сами учились. Одна преподавателем русского языка и литературы, другая – математики. Все свои силы и дюбрвь они отдают родной школе, ребятам. Для них профессия преподавателя заключается не только в том, чтобы передать знания ученикам, но и научить их жить, воспитать из своих питомцев настоящих людей.

Я не могу забыть один случай. В школе произошло чрезвычайное происшествие. Несколько ребят из старший классов совершили кражу ключек. Был объявлен день общественного суда. Присутствовали все ученики и учителя. Было много выступлений, говорила и Мария Александровна. Сейчас мне кажется, что она единственная высказала всю горечь и обиду за наших ребят, высказала то, что хотел бы сказать каждый из нас. Необычайную близость с ребятами, понимание их душ особенно хочется отметить в этих женщинах. Школьная жизнь полна не только радостями, но

и огорчениями. И в нужную минуту учителя всегда помогут тебе, поговорят, посоветуют, и сразу становится легче.

На одном заседании комитета принимали в комсомол ребят из класса, где Мария Александровна была руководителем. У нее в этот день не было уроков в школе, но она пришла на комитет, чтобы подбодрить и поздравить своих ребят. В 1967-м году за плодотворную многолетнюю педагогическую деятельность Мария Александровна была удостоена правительственной награды.

Около двадцати лет проработали сестры в школе. Сколько прекрасных людей воспитали за это время эти простые русские женщины. И мне хочется закончить рассказ об этих скромных, трудолюбивых советских учителях словами В.В.Маяковского:

Я знаю - город будет,
Я знаю – саду цвезть,
Когда такие люди
В стране советской есть.

НАТАША БОРИСОВА

Мужество

(рассказ)

«Где мужество твое не изменило,
соратник по борьбе, любимый брат,
к победе ты придешь, как сквозь горнило, -
и наше завтра славлю я сейчас».
Акопян

Брат моей мамы или просто мой дядя не был Карбышевым или Гастелло. Он рядовой коммунист, а об таких негнибаемых людях можно рассказывать бесконечно.

Ему шел тогда 22 год. Он жил в Москве. Здесь он учился, здесь вступил в комсомол, а позже - в партию. Родная земля наполнилась цветением вишневых садов, стройными тополями, разливом поспевших хлебов, чистыми, как хрусталь, родниками. И вдруг война! Пришли немцы. Дедушка возглавил группу партизан. Святым у них стал мой дядя. Много можно говорить о том, что он сделал. Но его выследили, схватили, бросили в эшелон. И вот Краков. Несколько дней его держали в тюрьме, а потом отправили в лагерь ЛП-17. На территории лагеря, обнесенного колючей проволокой, гитлеровцы строили секретный подземный военный завод, Внизу работали немцы, а на поверхности - тысячи военнопленных. Дядя разгружал кирпичи, носил камни, возил на тачке песок, как и все военнопленные, но в душе непрестанно билась одна мысль: «Бежать». Мой дядя, хорошо знавший немецкий язык переводил статьи из газет, подслушивал разговоры фашистов. Как-то его подзвал немец, сказав что у инженера заболел секретарь, велел работать вместо него. Слух о новом назначении разнесся по всему лагерю. В конторе хранится план подземного завода. Его надо достать. В конторе всегдалюдно. Трудно взять,

если немец не выпускает альбом из рук. Но вот выпал случай сунуть альбом под фуфайку. На улицу удалось пробраться легко. Пленные группами шли на работу. Началась разгрузка кирпича. Дядя бросил альбом на дно корзины и стал закрывать кирпичом, Быстро передал корзину с нужным грузом товарищу, потом стало известно, что альбом попал по адресу. Через несколько минут дядю схватили и отправили в тюрьму. Обыскивали, допрашивали, били, подсылали провокаторов. Но он молчал, его судили, на этом суде дядя поседел. Его снова бросили в эшелон и отправили в лагерь смерти. Дядя попал в карантинный барак, встретился с земляком, задумали бежать. Но как ? Кругом посты, автоматчики, собаки. Куда может скрыться человек без документов, на левой руке которого клеймо Освенцима? Решали бежать с работы, воспользовались суматохой во время обеденного перерыва. Удалось юркнуть в кусты, переплыть реку. Но беглецы схвачены и опять посажены в тюрьму. Здесь дядя узнает, что секретный завод под землей наши самолеты разбомбили. На душе стало легче: есть и его вклад в победу, муки Освенцима не оказались напрасными. Двери тюрьмы открыли вступившие в Польшу советские войска. Дядя, наконец, вернулся на Родину. Он снова в строю. Теперь надо отстоять мир. Пережитое не сломило его. У него такая же веселая, солнечная улыбка, живая и неукротимая душа. И только шрамы на левой руке - немые свидетели страшных дней. Я горжусь героизмом этого близкого мне человека!

ВЕРА ЕПИШЕВА

Говорят, нельзя вернуть пережитое

(очерк)

В этом очерке, мне бы хотелось рассказать об очень близком мне человеке, моей тете, Ольге Васильевне Харламовой, заслуженном тренере СССР.

Говорят, нельзя вернуть пережитое, прошлые годы. По-моему, - можно! Нужно только быть преданным своему делу.

Началось все с традиции. Судя по атмосфере, царившей в московском плавательном бассейне «Октябрь», было нетрудно понять: произошло необычное - тишина, наступившая под сводами бассейна, выжидающие позы болельщиков. Вдруг вновь шум, аплодисменты, и под общее ликование, прямо как есть в одежде, одного из тренеров бросают в воду. Для постороннего человека, это, пожалуй, шутка. А для пловцов - другое дело. О такой купели мечтают многие спортсмены и их тренеры. И вот они в воде. Спортсмен и тренер. Вот она, дружба, которую не разлить водой.

Колька еще не успел вытереть воду с лица, а вокруг него уже собрались дотошные любители автографов. Он писал непривычные цифры - 1.06.2, ставил кратко - «Ник .Панкин», а рядом - «Рекордсмен мира». И все же ему не верилось.

А вот Ольге Васильевне верилось. Потому что шла она к этим секундам много лет, больше, чем прожил на земле сам рекордсмен.

Трудовой и спортивный путь Ольги Васильевны начался задолго до войны. Ее юношеская мечта - летать осуществилась после окончания авиационного техникума.

Хотя ей и не пришлось подняться в воздух, частица ее труда пересекла океан вместе с героическим экипажем Чкалова.

Во время войны она отправляла в бой самолеты, а встречая, не отходила от них, пока каждая машина не получала ее «добро».

С 1956 года она работает тренером. Много лет упорного труда потратила Ольга Васильевна, прежде чем выпустить на большую воду **Колю** Панкина. «Один талант - ноль - говорила она, - к нему труд приложить надо". И найдя этот талант, Ольга Васильевна стала шлифовать его. 18 апреля **1958** года в московском бассейне «Октябрь» Колей был установлен мировой рекорд.

Это традиция - тренера ученика, установившего мировой рекорд, - бросать в одежде в воду. Так они и оказались на одной дорожке. Колька подплывает к Ольге Васильевне, целует, благодарит, а она смотрит на него и улыбается. Она счастлива так же, как тогда, когда была сама победительницей, чемпионкой. **А говорят, нельзя вернуть пережитое...**

МАРИНА БУЛАЕВА

Скала и ветер

Море чуть колыхалось в розовых отблесках поднимающегося солнца, и волны, начинавшие просыпаться от ночного забытья, резвились и радовались поднимавшемуся солнцу.

На самой середине моря стояла одинокая Скала. Это была

очень старая и очень гордая Скала, она стояла неподвижно, подставляя свои старые казенные бока солнечному теплу и наслаждаясь его сказочным светом. Скала вообще редко двигалась, и то лишь для того, чтобы размять свои старые "косточки", а затем снова замирала, гордая и неприступная.

По морю летел молодой и сильный Ветер, наслаждаясь свободой и простором моря. Он летел, ни с кем не сталкиваясь, развалившись в морском воздухе, как уставший человек в старом и мягкие кресле после тяжелой и изнурительной работы. Он наслаждался и воздухом, и солнцем, и собой.

Но вдруг его наслаждение вмиг рассеялось: он натолкнулся на Скалу. Он попробовал еще раз пройти через эту "преграду", и сокрушить ее. Но опять его ПОПЫТКА окончилась неудачей. Ветер пробовал снова и снова, но снова и снова наталкивался на неприступную Скалу и не мог снести ее со своего пути. Он все больше злился и свирепел. Это был уже не Ветер, а Ураган. Он мог снести все на своем пути, все, только не Скалу.

А Скала смеялась над Ветром, она хохотала, и этот хохот был похож скорее на Скрип старого дуба, чем на смех. Он еще более злил Ветра. Ветер со злостью разгонял волны и с дикой злобой обрушивал их на Скалу, Но это еще более смешило Скалу, она издевалась над Ветром.

Не выдержав насмешки, впервые в жизни оставшись побежденным, он ревя и воя, сметая и губя все на своем пути, унесся далеко в море.

В на следующее утро море вновь спокойно колыхалось в предрассветных лучах солнца, и ничто не напоминало о страшном столкновении двух сильных и гордых существ. Только старая, теперь еще более гордая Скала рассказывала ласкающим ее подножие волнам историю о смешном и глупом Ветре, который хотел сокрушить такую гордую и неприступную твердыню, как она - Скала

САША МАСЯКИН

РИТМ ЖИЗНИ

(стихи в прозе)

Ночью кругом темные дома, дома, дома; огни окон, похожие глаза зверей, светящиеся среди заснеженных деревьев, из рассказов Джека Лондона. Огней становится все меньше и меньше. Все спят. Ночь стучится в каждое окошко, где еще светится лампа, властно шепчет: "Спать, спать, спать..." Ночь тиха.

Но что это за гул? Вы никогда не слышали ночью странный тревожный гул? Днем его не слышно из-за множества других шумов, когда приходит ночь, она приносит гул с собой, и он слышится, явственно ощущается совсем рядом. Напрягите слух.

Это стук колес электрички или поездов дальнего следования.

Это шум гиганта "Калибра", работа которого не прекращается даже ночью.

Это шаги влюбленных по мостовой.

Это звон скальпеля в операционной.

Это отчаянный шёпот студентика, зубрящего непокорную книгу.

Это скрип пера писателя, к которому сам пришел, почему-то именно ночью, замечательный рассказ.

А, может быть, этот гул пришел издалека? Это шум борьбы в Чили. Сейчас, в эту тихую минуту, чилиец отдает свою жизнь за счастливое будущее, за то, чтобы в его стране мирно гудели поезда, работали заводы, за то, чтобы были счастливые влюбленные, отчаянные студентики, врачи и писатели. Это гул охрипших, ослабевших голосов безработных Америки, Англии, Франции. Это трусливые, лживые голоса Анасиса, Моргана и Дюпона.

Эти и многие другие звуки сливаются в одном гуле - ритме жизни, не прекращающемся, вечном, как сам мир. Разве вы не слышите сквозь притворную тишину, что все на сегодняшней планете борется за новое, и шум этой борьбы, мирной или убивающей, не смолкает ни на секунду.

Включайтесь же в сегодняшний ритм, будьте частицей всеобщего гула!

МИША БОРОВСКИЙ

Рассвет

(стихи в прозе)

Вы встречали в поле рассвет?.. Медвяная хмельная свежесть сочной, по колени травы, разломанной ветром, подтаявший в розовой парной дымке лес, остекленевшая в недвижности речка, над которой, словно над постелью грудного младенца, склонили бирюзовые головы заботливые ивы - словом, вся природа, уже отряхнувшая с себя - как с рукава - росу - ленивую дремоту выветрившейся ночи, затаив дыхание, замерла, оплаканная тишиной, в ожидании утра, занимающегося на востоке. Воздух чист и прозрачен, точно его и нет вообще. Кругом - небо, огромное, как белый холст в мастерской художника, непростывшее, запрокинутое в глаза. Бесшумным махом пронесется по нему, освистанная грузной синевой и дымчато-удлиненной скоростью, ласточка, - и подымутся, как вздетые, взмоленные руки, малиновые струи всплывающего солнца.

Я не верю, никак не могу поверить, что эту тишину, это бархатное беззвучие - в каждой клетке природы, в каждом атоме заглатываемого кислорода - можно разорвать собачьими взвизгами пуль, смертельной, бездумно льющейся лавой стали, грохотом снарядов, прошить зловещим пулеметным треском, озвучить войной... Можно?.. Можно...

КУЗИНА СВЕТЛАНА

Эхо войны

Прошло более тридцати лет со Дня Победы. Новое поколение пришло на смену не вернувшимся с войны. Но до сих пор в лесах гремят взрывы – грохочет эхо войны. Спят где-то в земле проржавевшие гранаты и мины. Начинена земля железом.

Люди! Не надо большие войны!

Димка стоит перед зеркалом и, склонив голову набок, критически глядит на себя. На нем белая рубашка, застегнутая на все пуговицы и темный галстук. Димка фыркает и срывает галстук, отходя от зеркала и расстегивая воротник.

Он подходит к телефону, набирает номер, затем, не глядя, кидает галстук через плечо на диван и, прижав плечом трубку к уху, засучивает рукава по локоть.

- Алло! - раздается в трубке девичий голос.

Димка улыбается, но молчит.

- Алло! Я слушаю! - сердится трубка.

Димка не выдерживает и смеется.

- Димка! - весело негодует трубка - Ну как тебе не стыдно?

- Лидочка, мне очень стыдно! - хохочет Димка - Я покраснел как пожарная машина!

- Ты не умрешь от скромности, - подводит итог Лида - Ну что, готов?

- Как пионер!
- Ну, тогда давай, приходи.
- Лечу!

Димка хватается транзистор и хлопает дверью.

Квартира пустеет. Галстук свисает со стула. Над диваном висит большой портрет белокурой улыбающейся девушки. Это, очевидно, Лида. На диване сидит мохнатый медвежонок. В его пуговичных глазках - грусть. Он бы, наверно, тоже не отказался погулять в такой солнечный день.

А Димка с Лидой идут по лесу. Димка улыбается. Лида звонко смеется. Димка на ходу срывает большую ромашку и протягивает девушке. Лида шепотом гадает - "Любит... Не любит..." Димка делает вид, что ему все равно, но искоса с интересом поглядывает на девушку.

- Не любит! - возмущенно останавливается Лида.
- О, гос-с-споди! - закапывает глаза Димка. Да ты знаешь, сколько этих ромашек на свете?
- Сколько? - хитро спрашивает она.

Димка задумывается, потом смешливо и немного смущенно смотрит на девушку:

- А черт его знает!...
- Не знаешь, не знаешь! - дразнится Лида.
- Ну, все равно. Если всем верить, то с ума сойти можно!
- Не знаешь, не знаешь! - хохочет Лида и бежит вперед.

Димка догоняет ее, и они идут рядом. Голосов их не слышно. Зато хорошо слышны песни птиц. Димка крутит ручку настройки транзистора. В лесную тишину врывается песня. Потом она становится тише, и сквозь нее слышны голоса леса.

Лида что-то говорит Димке и, дернув его за руку, снова убегает вперед и вскоре скрывается за деревьями.

Димка медлит минуту, потом, приглушив приемник, не спеша идет за девушкой. Весь его вид выражает: "Что за дети нынче, право!"

Димка входит в чащу и останавливается, прислушиваясь. Откуда-то раздается Лидин голос: "Дима-а-а!... Ау!" Димка усмехается и направляется по голосу. Через некоторое время он оказывается у развилки двух лесных тропинок и, остановившись, ждет. Но в лесу тихо. "Э-ге-гей!" - орет Димка. С соседнего дерева срывается большая птица и улетает, тяжело хлопая крыльями. Димка провожает ее глазами и оглядывается по сторонам. Тропинку окружают громадные сосны. "Залезть что ли?" - соображает Димка. От этой мысли ему становится смешно. Димка свистит. Лес отзывается эхом. Димка складывает ладони рупором: "Здесь, между прочим, волки водятся!" - разносится по лесу.

- Так. Никакой реакции? Ну, ладно, Лидия Константиновна, обнимайтесь со своими медведями и другими мелкими хищниками! говорит парень сам себе.

Димка прислушивается. Из-за кустов доносятся тонкие голоса:

- Там еще есть?

- Есть! Много!

- Тащи!

Димка продирается сквозь сплошную стену кустов и видит небольшую поляну. На поляне разложен костер и трое пацанов, лет по 7-8, что-то подкладывают в огонь. В стороне играет девочка лет четырех - пяти с огромным, во всю голову бантом.

- Молодые люди! - насмешливо обращается к пацанам Димка. - Что это вы тут делаете?

Один пацаненок поспешно исчезает в кустах.

- Вовка! - грозно зовет его тот, что повыше.

- Ой, Владик, мне домой пора, - ноет пацан, но вылезает из кустов.

- Мы играем, - хмуро сообщает Димке Владик и, почему-то, тревожно оглядывается на костер.

Что-то нехорошее почувствовал Димка и шагнул к огню.

– Ой! - вдруг истошно завопил Вовка и чесанул в чашу.

Владик схватил девчурку за руку, крикнул: "Витька! Тикай!" и, пригнувшись, бросился за деревья. Качнулся и исчез белый бант.

Димка увидел сложенные шалашиком проржавевшие гранаты, уже объятые пламенем, увидел огромные, полные ужаса глаза пацаненка и упал, прикрыв собой мальчишку, уже ничего не успев подумать. Он только почувствовал, как содрогнулась земля и ахнули сосны...

Витька стал, выплюнул землю, набившуюся в рот, вытер лицо рукавом и только тогда решился взглянуть в сторону, так неожиданно появившегося парня.

Глаза у мальчишки снова налились ужасом - он увидел алую струйку, ползущую по щеке у парня, увидел темное пятно у него на спине...

– Ма-а-а-ма-а-а! - Закричал, зарыдал, застонал пацан, убегая прочь от этой страшной поляны, с ямой на месте недавнего костра.

Затихло эхо от взрыва, и стал слышен приемник, чудом не разбитый взрывной волной:

...И грохочет над полночью
То ли гроза,
То ли эхо прошедшей войны...

Издалека донесся тоскующий, полный еще неосознанной беды голос:

– Ди-и-ма-а-а...

Невесть откуда взявшийся ветер ударил в сосны, и они застонали эхом.

– Дима... Дима...

Эхо?

ИРА САЗИКОВА

Рыжая

Она была рыжая. Совершенно. Даже глаза отливали каким-то рыжим оттенком, крупные, частые веснушки тоже были ярко-рыжими, поэтому казалось, что все ее лицо выкрасили рыжим фломастером.

Над головой у нее стояло рыжее сияние от ярких волос.

Однажды на улице какой-то парень обернулся и, поглядев на ее веснушчатое лицо, сказал, сплюнув в сердцах:

- Тьфу, мухами засиженная!

Она расстроилась и чувствовала себя ужасно несчастной.

Как-то раз, поднимаясь в школе по лестнице, она натолкнулась на Сережку из 10-го класса "А". Это был огромный детина, очень острый на язык.

Сережка поклонился и, пропустив ее, сказал:

- Почет и уважение краснолицей сестре моей.

А она даже не могла ничего возразить. Родители то и дело говорили:

- В кого это ты такая уродилась?

Оба они были шатенами. Ей казалось, что даже их пес, красавец дог, неодобрительно смотрит, когда она смотрится в зеркало.

Как-то раз, сидя со своей лучшей подружкой Наташкой на скамейке в парке, она размечталась:

- Вот кончу школу и в тот же день пойду и перекрашусь в черный цвет.

- Прямо на выпускной вечер? - спросила любопытная Наташка.

- Да, - ответила она.

- Нет, - возразила Наташа, - волосы черные, а сама вся в веснушках?

- Ну и что!

- Ты не огорчайся. Ну, веснушки. Ну, рыжая. А у одной моей знакомой девочки огромный нос, с огромными ноздрями. Так она спит с прищепкой для белья на носу. И не так уж и огорчается.

- Нос-то ладно, - вздохнула она, - а вот рыжей как?

- Да, рыжей плохо, - сдалась Наташка.

Но вот однажды мамина подруга привела к нам в гости своего сына, «малохольного математика», по маминому выражению. «Малохольный математик» пришел, сел в кресло и сразу как-то весь ушел в него, она видела почему-то одни только большие серые глаза. Он был на год старше ее, оказался, к ее удивлению, довольно-таки красивым. Она пыталась развлекать его, чем могла, но он только молчал, уставясь на нее неморгающими глазищами. Она ходила вокруг него и рассказывала о том, как было хорошо летом в горах.

Наконец, истратив весь запас красноречия, она села на стул, совсем отчаявшись выудить из него хоть одно слово, хотя бы одну паршивенькую формулу.

Но вдруг он сказал:

- Какая ты красивая! Просто ужас! Такая вся золотая, золотистая!

Она опешила. На несколько мгновений замерла на одном месте, не шевелясь. Все вдруг показалось ей красивым и новым.

Внезапно она ожила: ее золотистые глаза вздрогнули под длинными золотыми ресницами. Она молниеносно вскочила со стула и неловко поцеловала его в закрывшийся большой серый глаз...

Сейчас Юля смогла рассмотреть новенького получше. "Свой парень", - говорят про таких. Женя прямо-таки излучал энергию.

Но его серые глаза показались Юле очень уж внимательными .

Пролетел март, апрель, май, сдали экзамены!

И вот последний, выпускной бал!

Необычные, сказочные девушки, повзрослевшие ребята, торжественные учителя. Зал. Танцы. Последний Вальс. Юля видит, как кружатся ее подруги.

И тут рядом голос: "Юля, можно вас?" Юля оглянулась и увидела Евгения. ("Он сегодня совершенно не похож на себя! Такой взрослый!")

Юля кружится с ним, улетаю куда-то...

Потом был самый прекрасный в ее жизни рассвет, огромные, как земной шар, слова, первый поцелуй...

Через два дня, вынимая, как всегда, почту из ящика, Юлия увидела письмо.

"Мне", - развернула она лист.

"Я всегда буду любить тебя и помнить!" - читает Юлия, и что-то медленно наплывает на глаза. Обратного адреса, конечно же, не было. Но Юлия все поняла.

"А что же было потом? - задумалась и долго не могла вспомнить Юлия Сергеевна,- Кажется, уехал в другой город". Она грустно улыбнулась и сложила бережно письмо. Юлия была рада, что этот маленький листок бумаги вернул ее на миг в прекрасную пору юности

ТАНЯ ШАХМАТОВА

Типичная история

Воскресенье.

Муж с сыном уехали в Сокольники, и Юлия Сергеевна, оставшись одна, решила немного разобраться в кладовке.

Там с давних пор пылились кипы бумаги. "Сдам все в макулатуру, - подумала она. - И мусору меньше будет. И талон *получу* на двадцать килограмм. Говорят, Экзюпери продают".

В маленькой кладовке, кажется, не могло столько уместиться!

Чего тут только не было! На полках и полу пылились старые газеты, какие-то журналы, тетрадки.

Юлия Сергеевна, взяв одну, обнаружила, что это тетрадь за 10 класс. Перелистав, подумала, что почерк в десятом был ничего! Но вдруг из тетрадки выпал листок бумаги. Что это? Письмо?

Юля впервые увидела его в марте.

Новое полугодие давно началось, но неожиданно в их, 10 "Б" пришел новенький.

Был урок химии, все писали самостоятельную.

Шелест - передача записок.

Весьма напряженная атмосфера.

Но вот дверь распахнулась - в класс ворвался юноша. На нем были джинсы, яркая рубашка - вид явно не школьный. Но в руке юноша держал что-то похожее на портфель.

"Здравствуйте, - улыбаясь, сказал он, - меня зовут Женя. - Я буду учиться в 10 "Б". Это вы?"

Класс оживился. Конечно, остаток урока занял Женя.

Как только прозвенел звонок - парты опустели. Все ринулись в коридор. Ребята сразу обступили Женю, а девочки кидали многозначительные взгляды.

ОЛЯ АСТАХОВА

Женька

Ему было пятнадцать. Темные каштановые волосы волнами ложились на плечи, челка закрывала большой красивый лоб. Во всем его теле чувствовалась сила. Широко открытые глаза смотрели прямо и уверенно.

Женька уже давно был предводителем ребячьей ватаги, и ни одна девчонка думала о нем. Но сердце Женьки молчало.

Когда между товарищами разговор заходил о любви, Женька говорил: "Не знаю, ребята, как вы считаете, но мне кажется нет её. Сказки все это." Его друзья уже устали убеждать его в обратном, они поняли, что до тех пор, пока Женька не влюбится, ему бесполезно об этом говорить.

Однажды летом, когда все Женькины друзья разъехались кто куда, он сидел на скамейке в своем любимом безлюдном парке и читал книгу. На страничку пала чья-то тень. Мальчишка поднял голову, собираясь попросить непрошенного гостя отойти немного в сторону и неожиданно увидел черненькую, с голубыми глазами девчонку. Её прекрасные глаза были устремлены на него. Женька встал, но слова замерли на его губах, он ничего не видел, кроме её глаз.

Так смотрел с минуту, и вдруг, неожиданно для самого себя спросил:

Как тебя зовут?

Света, - ответила она, и её голос зазвенел в сердце Женьки как луговой колокольчик.

А тебя?

Женька.

Женя, Женечка, Евгений,- прошептала девчонка, и он вновь встретил взгляд её глаз...

В это мгновенье мир был только для них двоих. Для них пели птицы, для них светило солнце, и все кругом будто ожило.

Но на другом конце парка послышался мальчишеский голос:

- Же - э - э - нька!

Женьке не хотелось, чтобы кто-то третий входил в этот мир. Он прошептал:

Приходи сюда вечером... Придешь?

Да, - ответила она и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее пошла по дорожке.

Женька с сожалением смотрел ей вслед.

В это время на другом конце парка появился мальчишка. Женька вздохнул и направился навстречу другу.

Высоко в небе улыбалось солнце, а сердце в груди мальчишки прыгало, как мяч, сердце Женьки любило!

ТАНЯ ГУБАНОВА

О смелом корабле и прекрасной чайке

(легенда)

Как по-вашему, почему чайка всегда рядом с кораблем? Не знаете? Тогда слушайте.

Было ли это на самом деле или кто придумал? Это неважно. Слушайте.

На берегу моря была скалистая бухта с голубой и чистой, как небо, водой. И какие бы ни кружили ветры над морем, какие бы грозные волны ни вздымались, в бухте всегда было спокойно и тихо. Она всегда оставалась родным домом для чаек и кораблей, домом, защищающим в минуты опасности. И неудивительно, что в этом доме рождались самые белокрылые чайки в мире и самые смелые и быстрые корабли.

Когда из-за моря показалось солнце и его лучи озарили радостным светом бухту, здесь родилась чайка с белыми-белыми крыльями. Она была маленькая, слабая и поэтому не могла еще летать. Мать с отцом усадили ее на вершину самой высокой скалы. Она сидела на ней и смотрела на яркое солнце, на безбрежную ширь моря, на купающихся в небесной лазури белокрылых чаек. О, как прекрасен был мир, в котором она начинала жить!

Но вдруг налетел ураган и разыгрался сильный шторм. Ураган бушевал, гремел, громадные волны с раскрытыми пастями, из которых торчали белые гребни зубов, с ревом бросались на прибрежные скалы. И тут среди бушующего моря Чайка увидела Корабль! Он шел в бухту.

Ураган налетел на Корабль, ломая мачты, срывая паруса, волны наваливались на него, топя его, а подводные рифы зловеще высовывали из воды свои бивни, желая, чтобы Корабль разбился. Но Корабль шел и шел вперед. Когда утреннее солнце встало и утомило бушующую стихию, Корабль, весь израненный, вошел в бухту. Да, он победил в этой схватке. Он был победителем. И все приветствовали его. И Чайка сказала Кораблю: "Ты очень храбрый и сильный. Ты

победил ураган, громадные волны и зловещие подводные рифы". Но Корабль, обессиливший, покачиваясь от усталости, улыбаясь, сказал: "Нет, я никогда не победил бы, если бы не ты, прекрасная Чайка, если бы не твои белые крылья. Они были мне как маяк, показывающий дорогу к родному дому. Ты мне спасла жизнь!" - "А что такое жизнь?" - спросила Чайка. Она не знала этого. И тогда Корабль стал рассказывать о дальних морях, об огромных океанах, об удивительных островах, о красивых городах, о жестоких схватках со штормами и могучими волнами. Чайка слушала его, затаив дыхание.

- Через день я снова уплываю, - сказал Корабль, - меня снова ждут опасности. Как жаль, что тебя не будет рядом со мной. Я хотел бы делить с тобой радости и заботы, счастье и горе, ты мне нужна, милая, белокрылая Чайка.

И прозвучали те слова, которые произносят раз в жизни: "Я люблю тебя, белокрылая Чайка". "Я люблю тебя, мой смелый Корабль!" - ответила она. Корабль ушел, а ветер донес Чайке слова: "Я вернусь, я приду за тобой, счастье мое! Жди меня!"

Шло время. Чайка выросла и стала еще прекрасней, чем была. Она, как и все взрослые чайки, могла купаться в небесах, любоваться с высоты ширью моря, солнцем. Но что это стоило без ее бесстрашного Корабля! Она ждала его, а он все не приходил...

Проходили годы, а Чайка оставалась одна. Подруги говорили: "Он забыл тебя..." "Не верю, не верю", - отвечала им Чайка, - он обещал вернуться, он любит меня..." Но они не унимались: "Если не забыл тебя твой Корабль, то погиб в неравной схватке со штормом..."

Но Чайка верила в то, что ее счастье вернется к ней.

И вот в одно утро она увидела Корабль! Это был он! Он! Он! Он пришел к ней, ее отважный Корабль, пришел сквозь бури, ветры, сквозь штормы и ураганы. Он пришел, несмотря ни на что!

С тех пор они всегда вместе, всегда рядом, что бы ни случилось, они вместе в море жизни. Вот и сейчас видишь Корабль, а рядом с ним Чайка.

Не знаю, было ли это на самом деле или кто придумал...

НАТАЛЬЯ ВАЙНЕР

Закон Всемирного тяготения.

Стихотворение в прозе.

У вселенной не порядок с одной галактикой.

- Что это у тебя, Галактика? Как-то ты вся затуманилась...

- Да вот, Солнце тут одно есть...

У Галактики не порядок с Солнцем.

- Откуда у тебя, Солнце, пятна?

- С Землей что-то не ладится...

У Солнца не порядок с одной Землей.

- Что это, Земля, у тебя там происходит?

- Понимаешь, есть один человек...

- У Земли не порядок с одним человеком.

- Что с тобой, Человек?

- Бог его знает, ботинок как будто жмет...

Один ботинок – и тяготит всю Вселенную.

БАРИНОВА МАРИЯ

Тайна страны Лесонии

Сон в летний день.

В одно прекрасное утро я проснулась с необычайным ощущением легкости во всем теле. В этот день я и моя подруга Марта должны были отправиться в лес... Я собралась с оглушительной радостью в душе побежала на поляну, где мы должны были встретиться. Солнце было жаркое, день был приветливый и знойный. Я почувствовала как печет голову и руки, пахло великолепным ароматом цветов: васильками, лютиками, ромашками, колокольчиками...я задумалась о чем - то и вдруг услышала громкое "бу!". Немного испугавшись от этого я повернулась, Марта была тут как тут.

– Испугалась?- спросила она.

– Я, немного приврав, ответила: "Ничуть!". Ну ладно, Мань, мы идем или как?- последняя, что сказала она, и мы отправились в лес. Пахло смоляными шишками, елью, птицы звонко щебетали, расправляя перышки, было слышно, как хрустят, ломаются сухие палки под нежными лапками ежика, как щелкает белка свежими шишками. Спустившись вниз по тропинке, мы дошли до рощи. Грибов и ягод было видимо- невидимо! Глаза просто разбегались! Заинтересовавшись сборианием этих лесных даров, мы не заметили огромного, кристально чистого озера. Марта предложила искупаться после столь длительной работы. Теплая вода, нагретая яркими пронзительными лучами солнца, была глубока, но зато чиста и прозрачна. После купания мы прилегли отдохнуть на самое светлое местечко в роще. Было очень жарко. Мы болтали о чем-то и в конце концов уснули под мирное жужжание пчел.

Удивительное знакомство.

Вдруг что - то коснулось нас.

- Хей, дамочки! А вы не могли бы к моей величайшей просьбе слезть со стула умнейшего из умнейших царя Белого,- пробормотал кто - то.

Сначала мы ничего не поняли, но потом приглядевшись получше увидели... Не может быть! Живой гриб сыроежка! Да- Да!Просто глазам не верится! Неужели это правда?!

- Не знаю я , что правда, а что нет. А всё же соизвольте слезть!- опять сказал тот же голос. Мы не поняли, что он имеет под словом стул,, но все же отодвинулись в сторону. Стулом оказался всего-навсего большой и серый булыжник, лежавший около старого дуба. Вдруг раздался грохот, затем затрубили трубы и забили в барабаны. На встречу, в клубничной карете, запряженной парой клюквенных лошадей, ехал сам царь Белый, как сказал нам сыроежка. Вокруг него было огромное множество разных грибов, сопровождающих царя: мухоморы, поганки, лисички, сыроежки, грузди, маслята. Царь гордо посмотрел на нас и поинтересовался, что мы здесь делаем. Мы замешкались, но придумали, что ему ответить: "А-а-а, ну, мы, это...мы, смотрим за безопасностью леса!"- выкрикнула Марта спасая положение. Царь еще раз посмотрел на нас, но уже не с гордостью на лице, а с огромным уважением, восторгом и удивлением.

- Ну, так это замечательно, я назначаю вас моими спасателями леса! К нам уже вот четвертый год плывут неприятности! То пожар, то белки нападают, то охотники птиц на жаркое стреляют, безобразие!!!! Ужас какой- то! Вот что детки, с этого дня живите вон в том ягодном доме (царь Белый указал на маленький домик возле елочки). Как только будут неприятности зазвенит колокольчик и вы, пожалуйста, поспешите на помощь лесным жителям. Немного подумав, мы согласились. Царь Белый уехал в своей карете. Мы с Мартой зашли в дом, вот красота!! Все украшено ягодами, продетыми через веревочку. Около

окошка стоит скромный столик с четырьмя стульями. На нем разные вкусности и кушанья. Мы не спеша начали есть, как вдруг зазвонил колокольчик.

Пожар.

Пришлось бросать еду и бежать на помощь. Мы, что есть силы бросились бежать. Неподалеку мы увидели пожар. Красные языки пламени пожирали все вокруг. Груздевая рать уже созвала маслят и других грибов. К счастью, поблизости протекала река. Марта захватила по дороге воздушный шарик, мы наполнили его водой и прибежали к пожару, она вытянула кончик шара и установила его в виде шланга, таким образом, постепенно нажимая на шарик, мы потушили пламя. Царь был очень доволен нашей работой. Мы были справедливо награждены грибными значками с ягодами крапинками. Но это было только начало наших сложных приключений.

Злые белки.

После пожара еще долгое время в лесу таилась тишина, как вдруг новая неприятность!

– Белки, белки! - доносилось с улицы.

– Дикие белки! Грызуны! Беда! - слышались голоса.

Марта тихонько приоткрыла дверцу, о ужас! Просто рыжий потоп заливает все попавшееся ему на глаза!

– Есть предложения? - спросила Марта.

– Но, в общем-то,.... я..... - я не знала, что ответить.

– Ответ ясен, - да, действительно мало что приходит на ум в такой ситуации, - сказала Марта. Как вдруг у нее появилась идея. - Надо собрать побольше шишек со свежими орехами и, приманив ими белок, рассеять рыжий поток и направить отдельные маленькие группы грызунов в разные русла.

Ее идея была потрясающей! Если поступить так, то мы сами не повредим своему царству, да и не направим вред в другие земли. Шишек в Грибном царстве было довольно много. Мы набрали доверху два лукошка, побежали

избавлять лесных жителей от бед и вреда. Белки, увидев вкусный корм, позабыли про грибы и ягоды. Ну и досталось же нам потом. Пришлось бежать со страшной скоростью, успевая при этом разбрасывать шишки в разные стороны и подальше. Так мы пробегали полдня и в конце концов во второй раз избавили царя и его подданных от опасности.

Охотники.

Опасность ходила за нами по пятам. И, наконец, в очередной раз настигла. Во время нашей утренней прогулки по просторам Грибного царства были слышны выстрелы. Марта думала, что это всего-навсего это фейерверки, но оказалось иначе... Неожиданно к нашим ногам упала тетерка. Мы сначала ужаснулись. Немного осмелев, мы, наконец, начали разговор.

- Она что, с неба свалилась? - спросила я у Марты.

- Да, вроде с него. Только не просто так. Ой! Смотри! этокровь!!!! Её крыло поранено!!! - заметила Марта.

- Кто - то из охотников выстрелил в птицу! - сказала я.

- Да, больше некому, кроме как какому-нибудь хулигану из Грибного царства. Смотри! Там кто - то бежит нам на встречу! - крикнула Марта.

- Хряхть! Хатьк! Ой! Девочки... вы это... подвиньтесь.. там ... это..., ну это..., а ну да!!!! Вот - вот так... как там её? О! тетерка!

- Это я её пристрелил! А ну дайте! - запыхавшись и кашляя, похвасталось существо, напоминающее смородину.

- А вы что тут делаете? - поинтересовалась Марта.

- А мы группа охотников, птиц убиваем, а потом к ягодному королю, в Ягодное царство везем на обед, - сказала смородинка.

- А- а- а!!! Так, значит вас тут много таких?? - спросила Марта.

- Немного не мало, пять человек- ответила смородина.

- А почему тогда вы в своем царстве птиц не убиваете? - с угрозой воскликнула Марта.

- Так ведь тогда нам выгоды не будет! Коли мы у вас будем птиц убивать, то нам наш царь будет деньги из казны давать, а коли нет, голову с плеч, - пояснил ягодка.

Мы с Мартой отошли в сторонку и решили, что будем делать. Решили мы наделать чучела птиц и повесить их на тонкие палочки. Когда охотники пойдут добычу выглядывать, тут - то мы и поднимем чучела. Охотники выстрелят и останутся ни с чем. А может потом и уйдут от злости! Так мы и поступим. Впоследствии, убивая чучела, охотники даже не заметили подвоха. Уж очень аккуратно и старательно мы птиц подменили. Наступил полдень. Слуги ягодного короля настреляли уже много птиц и отправились в свое царство. Не знаем мы, что потом произошло с королем, но больше охотники к нам не приходили.

Волшебница Адеб

К ягодному домику мы уже привыкли. Привыкли так же и к работе спасателей. Однажды вечером я услышала за дверью странный голос и какое-то шурушание.

- Марта...- сказала я.

- Чего? - спросила она.

- Ты ничего не слышишь? - тихо поинтересовалась я.

- Слышу! - ответила она.

- Пойдем посмотрим кто там, - предложила я.

Мы тихонько приоткрыли дверцу.

- Ну, кто там? - спросила я, стоя в дверях.

- По-моему какая- то колдунья, - сказала Марта.

- Не шути!

- Да я серьезно! На! Сама посмотри, - рассердившись, крикнула Марта.

- И правда, колдунья, - сказала я.

- Ну, я же тебе говорила- с восторгом промолвила Марта.

Вдруг мы услышали странные слова колдуньи:

– Разъярись огонь! Возгорись пламя! Появись красный конь! Пусть везде горит огонь!

Неожиданно на траве стали появляться кровавые язычки пламени, а колдунья начала становиться красной и блестящей.

– Марта! Марта! Так значит, это она выливали на нас все беды!! Надо принести воды и залить ее, пока не поздно! - предложила я со страху.

Марта была запасливой девочкой. В углу стоял крупный бочонок холодной воды. Мы вдвоем схватили его и, широко распахнув дверь домика, вылили все на колдунью. Впоследствии мы были награждены. Ведь теперь у них в царстве не будет бед и несчастий! И все заживут хорошо и весело, и все будут счастли....

Что-то толкнуло меня! Это был локоть Марты. Я потянулась, протерла глаза и... поняла, что это был всего-навсего сон. Вдруг Марта косо посмотрела на меня.

– Маш! А что произошло? По-моему мы сейчас были в грибном царстве, а вдруг оказались... - не договорила Марта.

И тут я поняла, что нам обеим снилось одно и то же. Мы подняли корзинки и пошли домой. По дороге мы долго разговаривали и смеялись, проверяя сходства наших снов.

ПИВОВАРОВ РОМАН

Стакан

Как-то шел по улице, увидел, как осколки стакана, маленького и чистого, сами пытались склеиться вместе. НО только они соберутся, достанут клей, как очередной прохожий заденет ногой в широком шаге, и разлетятся осколки в разные стороны. И не важно уже, нарочно или нет пнул их человек - им долго снова находить себя. И неизвестно, хватит ли у них сил собраться вновь и вновь достать клей.

Понравился мне маленький и чистый стакан. Захотелось собрать осколки, отнести их далеко-далеко от людного тротуара, куда-нибудь в тихий северный городок, захотелось принести клея и склеить самому.

Но я смог лишь помочь им выбраться туда, где меньше людей, да подать клей.

И тут, невзирая ни на что, осколки вновь нашли в себе силы, собрались, разобрались, подобрались...- склеились! Сами.

Это сильный, маленький и чистый стакан, и он мне нравится.

ЛЮТОВ СЕРГЕЙ

Долг перед Родиной

Они сидели в окопах. Разговаривали, шутили, смеялись, но скованность и напряжение читались на их лицах. Они впервые оказались на передовой и явно растерялись, узнав о превосходящей их почти впятеро немецкой группировке, стремительно приближавшейся. Эти солдаты были выпускниками одного из военных училищ, и командование надеялось на них. Бравата и хвастовство куда-то исчезли, но каждый для себя решил стоять до конца во что бы то ни стало, ведь за спиной была Москва.

Пестов сидел где-то на левом фланге обороны, сжимая ледяный руки ППШ. До рези в глазах вглядывался он тревожно в застилающую горизонт туманную дымку. Он вспомнил, что зимой не может быть тумана, тем более когда такой мороз, а то, что он видит, - дым от пожарниц. В это время издали выплыл первый танк. Пестову он показался маленькой черточкой. За ней появились еще точки, потом еще и еще. Их становилось все больше и больше.

завидев танки, пехота сразу затихла, из уст в уста пошел приказ стрелять только по команде, а пока ждать.

Подул сильный ветер, но Пестов уже не чувствовал холода. Солдат, стоявший рядом с ним, заметил: "Угостим фрица, когда поближе подойдет. Будем внезапны, авось выгорит". Пестов ничего не ответил - он боялся, боялся не за себя. Страшно ему было представить, что будет, если немцы прорвутся, возьмут Москву. "Нельзя допустить, чтобы русский народ на колени поставили," - думал он, раскладывая перед собой связки гранат.

Танки росли в размерах. Их было не меньше сорока. Железные чудовища ревели, разрывая снег мощными гусеницами и сминая по дороге одинокие деревца, казалось, никто не может остановить их.

Окопавшимся русским солдатам оставалось ждать совсем недолго, когда в небе появились самолеты. Кто-то,

возможно, надеялся на чудо, на воздушную подмогу пехоте. Но черная свастика зловеще блестела на крыльях этих сеятелей смерти. Туго пришлось тогда русским солдатам. Казалось, летящим сверху бомбам не будет конца. Многие пали, сраженные безжалостными осколками. Ни о какой слаженной атаке на танки не могло быть и речи - сдержать бы первый натиск, отбиться, а там видно будет.

Пестов лежал в окопе, оглушенный близкими разрывами бомб, осколок оставил ему вмятину на каске. Взрывы скоро прекратились, однако звук от летающих немецких машин почему-то усиливался. И тут он вспомнил о танках. Высунувшись из окопа, он был поражен тем, насколько близко продвинулись железные машины. Они неотвратно наступали, тяжело вращая железными башнями, оставляя за собой гигантские снежные колеи...

...Раздалась команда: "Огонь!" - и разом загрохотали противотанковые орудия, запели замаскированные в отдалении легкие гаубицы, полетели во врага гранаты. Но слишком мало осталось солдат после страшного авианалета, слишком мало для отражения атаки, и танки ехали, вспыхивая один за другим, взрываясь, останавливаясь, переставая стрелять; ехали, поливая огнем русские расчеты, жестоко давя людей, зарывая их гусеницами заживо. И кровь лилась на снег, русская кровь, и чистый воздух заполнили копоть и гарь. И взрывы, выстрелы, крики слились в ужасающий рев...

...Пестов открыл глаза. Было тихо и темно. Он не замерз, так как рядом горел танк. " Кажется, жив, и ничего не задето", - мелькнула мысль. Он медленно поднялся и ужаснулся открывшейся глазам картине, повсюду лежали трупы, их было не десять, не двадцать - сотни. В их страшных лицах можно было прочесть вызов и ненависть к немецким захватчикам. Вот лежит солдат, надеявшийся на внезапность. На лице - злое отчаяние, мороз сохранил это выражение. В руке - так и не брошенная граната, другой руки попросту нет, она лежит где-то под снегом, кругом - кровь, на танках, на мерзлой беспристрастной земле, на белом равнодушном снегу.

Невольно Пестов задал вопрос в пустоту, который прозвучал громко в повисшей тишине, хотя задан был навсегда севшим голосом: "И ради такого итога растили сотни людей, потом кормили, учили, одевали, вооружали?"

Разве война - это огромная мясорубка, в которой выигрывает тот, у кого больше мяса?"

Но затем Пестов окинул взглядом до горизонта сверкающий белизной снег, и странное чувство необъятности этого снега посетило его душу, и ответ оказался единственным: "Нет, мы не пушечное мясо, и мы, русские, не начинали этой войны. Мы пошли воевать, потому что настало время отплатить Родине за то, что вырастила и выкормила нас. Мы воюем за право называть эту землю славянской, чтобы наши потомки, когда наступит их время, оценили и воспели наш подвиг. Но подвиг этот еще надо совершить, надо выполнить свой долг перед Родиной". С этими словами Пестов уверенно зашагал туда, где был слышен шум очередного сражения самой кровавой из всех войн, случавшихся на русской земле.

И шел снег, бережно одевая в белое покрывало тех, кто уже никогда не вернется домой, они не дожили до победы, но наравне с выжившими выполнили долг перед Родиной.

ЧЕРНОВЕЦКИЙ ВАДИМ выпуск 1998 года

К звездам

Мои ногти, выдержат ли они? Когда-то я так лелеял их: подстригал, раз в неделю на руках, раз в две на ногах. И на ногах я подстригал их не слишком сильно, чтобы не вращались. Я подчищал их, срезал заусенцы: кто-то сказал мне, что так надо, что это правильно, что ногти для того и нужны, чтобы за ними ухаживать. Ужасно благоразумно; никогда не пренебрегайте ногтями.

Мои ногти, выдержат ли они? За два месяца упорного восхождения они огрубели, но куда деть двадцать лет пустоты, двадцать лет суеты, двадцать лет маелты? Ведь всегда они были такими нежными, мягкими, покорными. Двадцать лет они принадлежали вам, вам, а не мне. Лишь два месяца назад — какой убогий срок я попросил их у вас, вежливо, культурно: Извините, пожалуйста, но мне кажется, что ногти на моих пальцах это мои ногти. Вы сделали вид, что не расслышали, и я повторил свою просьбу, да так, что дрогнули стекла.

О, конечно, сказали вы. Никто не спорит, что они твои. Но ногти опасная штука. Человек, особенно молодой, зачастую не знает, как ими распорядиться. Так что наш тебе совет почаще их подстригай, чтобы не бросались в глаза и не отвлекали тебя от изюма. У нас прекрасный изюм без косточек. Тебе понравится. Да впрочем ты с ним знаком.

В том-то и дело, сказал я, в том-то и дело...

Мои ногти, выдержат ли они? С тех пор как я ушел в горы, мне не раз приходилось царапать землю, но теперь теперь, когда подо мной бездонная пропасть и километры безмолвия, когда сверху всей массой давят меня тонны одиночества, когда я вцепился в бесконечный отвес и держусь на нем двадцатью ногтями, выдержат ли они? Всем существом своим я чувствую легкий треск неужели падение, неужели снова падение? И каким оно будет, это падение? Полет сквозь толщу безбрежного мрака; я достигну космической скорости, потому что здесь нет воздуха; я не ударюсь ни обо что, потому что здесь нет дна; но вот что будет я умру своей смертью, один, от скуки и тишины.

Пожалейте меня. Вы слышите, я кричу: "Жалейте меня!" Ибо гордость слабее страха.

Мои ногти, выдержат ли они? Я ушел от вас, ушел от убогого изюма и два месяца питаюсь росой. Вы всегда хвалили свой изюм, говорили, что он без косточек. Когда кто-то давился им, вы говорили, что надо было молчать во время еды. Вы лгали и по-прежнему лжете; вы всегда будете лгать. Я сам чуть не подавился вашим изюмом; мне в горло попала огромная кость и долго стояла там. Так долго, что я чуть не задохнулся. Вначале вы просто смотрели на меня, а потом отвернулись и пошли играть в футбол. С тех пор я больше не видел вас, потому что в тот же вечер ушел в горы. Как звали меня? Вы не помните; вы, в сущности, никогда и не знали, как меня зовут.

Мои ногти, выдержат ли они? Если да, то я продолжу восхождение. Я буду карабкаться вверх, сколько угодно карабкаться вверх, хоть полвека карабкаться вверх. (Мои ногти будут стальными; вы умрете от страха, если увидите их). Усталый, я достигну вершины и лягу на краю, на покатом краю, у самой пропасти. Отчаяние закрадется мне в душу: куда теперь? Зачем эта боль, зачем этот вечный страх? Ведь и тогда я буду бояться: а вдруг упаду сейчас или когда буду вставать? Но я встану, и ничего не случится. Я посмотрю вдаль прекрасен горный пейзаж при полной луне; но это знаете даже вы, потому что у вас есть открытки. Я не люблю горы: это слишком модно. Я снова лягу на землю: даже так я буду на высоте, головокружительной высоте, о которой вы не имеете понятия. И это правильно: вам хорошо на вашей равнине, и я желаю вам всех благ. Я снова лягу на землю, и звезды откроются мне. Я счастлив! ведь я стал ближе к ним на целую триллионную часть.

Мои ногти, выдержат ли они?!

Легкая скорость

В детстве я ходил в школу бальных танцев во Дворце культуры ЗИЛ, что на улице Восточная. Но я не создан для танцев; именно поэтому то время сохранилось в моей памяти как мутная туча расплывчатых образов, акварельных набросков, которые чья-то неловкая рука обдала случайно водой. Пожалуй, эта вымышленная рука куда реальней для меня, чем те выцветшие лоскутки непрошенных воспоминаний. Я вижу рукав клетчатой рубашки, он слегка дрожит, он так неуверен; быть может, он и доволен своим рисунком, но сознание, что это на любителя, портит ему настроение. Сейчас подойдут люди, посыплются вопросы: "А что это?", "А зачем то?" И что ответит он им? Как объяснить, что "фантазия бесценна лишь тогда, когда она бесцельна"? Это нужно почувствовать, а как объяснить чувство, если не самим рисунком? Но вот толкнули его под руку и полилась из банки вода этюд уже не этюд, а странная разноцветная лужа... Какое облегчение!

Был ясный зимний день; лучисто вливался он в огромный холодный зал. На мне был новый костюм, гладкий и ярко-алый; он наполнял меня гордостью, и это было непривычно гордиться своей одеждой. Ах, да: они, наверное, смотрят на меня, и я буду элегантен: не только в одежде, но и в движениях. Мы заканчиваем квадрат вальса; ведущий кричит что-то в микрофон, он смотрит на нас, нет-нет, он смотрит на меня! И девочки девочки смотрят на меня, прямо на меня, как красиво, как необычно, как непривычно... Я наступил не туда как же можно! зал как будто вздохнул, зашелестел, зашумел и ведущий кричит о чем-то другом нет-нет, я хороший, вы не думайте, что сейчас я наступил чуть-чуть не туда, я правда хороший, очень, очень хороший!..

А вот и сам вальс; нас просят разбиться на пары; хорошо ему, бодрому, яркому, кричать в микрофон: "Разбейтесь на пары, а сейчас разбейтесь на пары!"; хорошо им, пришедшим сюда всей компанией, брать друг друга за руки, снисходительно хохоча; а что я буду делать, что я буду делать? Я подойду вот к этой в светло-голубом платье, тоненькие ножки, худенькие голые ручки, она так странно смеется, она улыбается, она смотрит на меня... Но нет! конечно, конечно, нет! я не пройду и полпути, как вот этот, в черном самоуверенном костюме, возьмет ее за талию...

А впрочем... вот еще... она не видит меня, но я к ней подойду... Она обернется светлый хвостик едва коснется моих щек она не заметит... а может, извинится, и мило, как это будет мило! ее берет за руку вон тот, что всё время ошибается в канкане, и зачем он ей... Ой, кто это? А неважно скорее, скорее, скорее!

Приглашаю тебя на танец... идиотская смесь классической церемонности с детской неуклюжестью как глупо, глупо, глупо! но я об этом не знаю, интересно, знает ли она...

Ну давай... как просто и какая жидкая у нее улыбка и какая она...

Поехали! он врубает музыку легко, легко, легко, как легко он это делает да! какая она легкая... Я чувствую ее ребра под легким платьем, моя рука должна быть ниже, на талии, но я об этом не знаю, и... какая разница???

Заплетаются ноги слегка, только я об этом знаю, только самую малость, зато на мне костюм, прекрасный костюм, гладкая алая шерсть, ты рада, рада... рада? Ты молчишь легко, а я как чугунный котел, выпуклый и звонкий, торжественно молчит, он целый, он в себе но урони его с полки, или стукни по нему легонько, стукни по нему легонько (что за ритм, я не успеваю), стукни по нему легонько...

Боже!!! Боже мой! Локтем об угол колонны, болевой точкой, той самой, про которую рассказывал брат, когда учил меня самбо (а причем тут самбо?), болевой точкой, на полном ходу, на повороте, об острый угол мраморной колонны! Больно, больно, больно, я буду кричать, я ничего не вижу, я ничего не скажу, и легкая как легко она ускользает, ведь я сбиваюсь, потому что в глазах ночь, жестокая мрачная ночь, которая им и не снилась, ночь боли, а я молчу и выпадаю выпадаю из ряда пар: скорость не терпит задержек!

Я стою в стороне; я слышу дрожание паркета; я гляжу в пустоту. Я открываю рот: послушайте, мне плохо, я ничего не вижу и сейчас расколется локоть, но зачем я открываю его, если я молчу? Рядом скорость, и я боюсь потревожить ее, я боюсь ее...

Точнее разворот, точнее разворот! всё кричишь...

Легкий ветер обдаёт меня, легкий ветер легкой скорости. Я куда-то иду... В "Астрономии" я читал про звезду Бетельгейзе, ее радиус 260 миллионов километров; иногда я представлял

человека, миллиарды лет идущего по ее поверхности. Он смертельно, космически устал и хочет сгореть, но никакой жар не берет его; он хочет сбежать, но звезда не пускает его. И куда бы он ни шел везде одинаковое пламя... Я куда-то иду... Я слышу музыку и счастливые голоса... Я чувствую холодный твердый предмет, узкий и длинный. Я трогаю его и не знаю, что это. Я по-прежнему ничего не вижу. Обхватив его руками, я чувствую его гладкость, я вожу руками по его поверхности... Подставка для микрофона! Вот откуда лилась эта легкая бодрость!

Но сколько же можно так стоять? Нужно куда-то идти и ни на что не наткнуться. Я иду вперед, а пол всё так же дрожит. Сейчас я дойду до стены и нащупаю где-нибудь прекрасный мягкий диван... Но снова веет каким-то холодком и громче становится топот. Я иду вбок, долго, как в обход океана, но круг танцующих бесконечен. Легкая скорость взяла меня в кольцо.

27.01.00

ЗЫКОВА ДАРЬЯ

Вьетнамский Вор

(Лингвистическая шутка)

Василий Васильевич Васин встретил Вову Воропаева в воротах «ВИМБИМБАНКА», возвышавшегося возле «Выхино».

- Вот встреча! - весело воскликнул Вова.

- Войдем внутрь, - высказал вопрос Василий Васильевич.

- Войдя в вестибюль, Василий Васильевич вытащил валюту, выигранную вчера вечером.

Вдруг взгляд Вовы впился в высокого вьетnamца. Вьетнамец, вооруженный винчестером, воровато вертелся вокруг валютных вкладов. Внезапно Вова воскликнул:

-Вор! Вор!

Вьетнамец выстрелил в воздух. Все встрепнулись, вздрогнули. В волнении Василий Васильевич выронил валюту. Вьетнамец, взяв валюту, выскочил.

Вовремя вызванные вооруженные военнослужащие выбежали вдогонку вьетnamцу. Вьетnamца взяли.

Впоследствии выяснилось: Ван Ви Ван, воспитанный во время вьетnamской войны, вырос вором во Вьетнаме. Ван Ви Ван воровал велосипеды, валюту, вьетnamки, воблу, вазы, вездеходы, выключатели, вареники, ватрушки, вермишель, всякую всячину...

Вскоре вьетnamца выпустили. Василий Васильевич Васин выучил вьетnamца в великолепного водопроводчика. Вьетнамец впоследствии выиграл во всемирной водопроводческой выставке вишневу «Волгу».

Весело вскочив в «Волгу», вьетнамец выехал во Вьетнам.

РЫЖОВА НАТАША

Еще один закат

Воистину, такую красоту могла создать только природа! Красоту, преображающуюся с каждой минутой.

Это был закат. Необыкновенное смешение красок, неподвластное даже самым великим художникам. Это был пылающий костер, огненный свет, дорога в рай... На горизонте небо было ярким, розово-оранжевым, ближе – бледно-персиковым, нежно-лимонным и снова ярко-оранжевым, розовым, нежным переливом сиреневого и розового, сиреневого и синего, синего и голубого, дымкой голубого и серого, молочно-сероватым...

Сейчас она мечтала ехать в открытой карете, запряженной тройкой лошадей, по этому прохладному и прозрачному после грозы городу, над которым разливается необыкновенное море заката. Ей захотелось ехать рядом с Ним, чтобы он держал её руки в своих, согревал её тело и душу поцелуями. Ей хотелось чувствовать запах цветущих жасминов, ощущать легкую дрожь, видеть счастье, ждущее их впереди – там, куда ведет их закат, дорога в рай.

А небо тем временем темнело, становилось больше сиреневого и дымно-серого. Отдельные облака высветчились ярко-розовым, сливались в пейзажи, лица, предметы... «Ах, почему я не художник?» – думала Она.

Вдали небо алело, светилось ярким и сочным апельсином, окутывало нежной дымкой розы...

А карета все катилась бы навстречу закату среди ароматов жасмина, роз и травы. Цокали бы копыта, стучали колеса по дороге, разлетались бы брызги из прозрачных зеркальных лужиц... Он бы шептал ей о любви, Она бы улыбалась и иногда звонко смеялась или радостно вздыхала.

Вот розовые и сиреневые облака слились в портрет с протянутыми к ней руками. Лицо так ярко очерчено! Какие

странные глаза, а эти руки-лучи?! «Да, я буду вместе с Ним, - думает Она. – Ты обещаешь мне это, Господи! Я верю, я покорюсь...»

Небо темнело. Все меньше яркости в закате. Всё нежнее, приглушеннее становятся краски. Палитра меркнет, чтобы зажечься вновь, но... совсем по-другому! Закат уступает место свежему вечеру. На голубовато-синем небе появляется бледно-желтый серп месяца. Зажигаются первые звездочки. Аромат жасмина разливается в городе все ярче и ощутимее. Карета растворяется с последними лучами солнца, унося в рай юношу и девушку.

БОРТКЕВИЧ АРТЕМИЙ

Два дошедших

Жизнь ломает многих. Но у многих из этих многих на переломах кости становятся крепче.

Эрнест Хемингуэй

Галактика ГЛА-0497. Планета Кульган. Сплюснутый обледенелый шар. Слой вечной мерзлоты от 7 до 15 километров. Что делать – 13 планета в системе. Когда-то была цветущей и благоухающей, но, по мере удаления от Светила, на ней начался ледниковый период.

И все-таки это лучше, чем ничего. Лучше, чем атом на кубический сантиметр. Хорошо еще, что они дотянули хотя бы до этого космического айсберга – энергии не хватило даже на мягкую посадку.

От аппаратуры-недотроги, до этого не терпевшей даже царапины, конечно же, остались одни осколки. Естественно, что ни «SOS», ни «MAY DAY» уже не послать. Кроме пилота и штурмана, которые и были единственными пассажирами, «в живых» остался черный ящик, да и кому он теперь нужен? Единственная надежда – типовой маяк. В идеале он должен был сбрасываться на каждой планете, на худой конец – в каждой планетной системе.

Ричбетков и Еселиев упорно и медленно брели к такому маяку. Надежды, несмотря на то, что она умирает последней, не было вообще – энергозапасы истощатся за много километров до цели. Но и не идти они не могли – не могли изменить своей природе.

С пищей не беда – можно получить изо льда. Тепло и энергия – вот что было дороже любых сокровищ.

Особенно тяжело приходилось Митераю Ричбеткову: на поврежденном скафандре красовались несколько больших заплат, но тепло улетучивалось без особого смущения. Он держался только на инъекциях и шел, опираясь на плечо Еселиеву. Но все-таки не выдержал – свалился.

Еселиев взял своего товарища за ноги – больше ухватиться на скафандре было не за что – и потащил волоком. Экономили даже на разговорах.

... Пригоршни снега бились в защитное стекло. Вьюга не утихала. В конце концов обессилел и Еселиев.

Отыскав углубление во льду, он осторожно положил туда своего товарища и сел с ним бок о бок. Когда вьюга чуть-чуть поутихла, Еселиев уперся взглядом в небо. Он думал о том, сколько раз читал о таком. Сколько раз первооткрыватели планет, увязая в песках, в сугробах, отбиваясь от жадных тварей, шли вперед, навстречу спасению. Как правило, доходил только один. Или никто. Еселиев уснул.

Убедившись в этом полностью, Ричбетков подключил насос к скафандру Ветмая Еселиева, перекачивая к нему остатки своей энергии, словно перекачивая свою жизнь...

... Как же жарко сегодня! Лед так и жжет ступни, снежинки жалят кожу. С утра я помечал территорию. Успел оббежать половину. Запах замечательно стойкий, недаром ведь я наглотался высушенных желёз меховой вонючки в экстракте дурнопахнушки. Теперь уж точно не сунутся! Хотя могут. Им бы только навредить нам, зимородкам. Согнали нас с родных снегов, теперь жрем одни корешки, а они – морозоустойчивые фрукты лопают. Чтоб они подавились, {ϕ}⟨⟩/Γ!!! (нецензурное выражение на языке зимородков – примеч. автора) И самое обидное, что нас, зимородков, самое древнее и многострадальное племя, эти поганые мерзляки совсем не считают за людей. Самито кто? Всем известно, что у людей три ноздри и зазубренные уши, не говоря уж о раздвоенном синем языке. Если у тебя язык розовый, значит ты – урод, сорное семя. Таких надо гнать на самые дальние льды, с мест, где зимородки жили, пока льдов еще и в помине не было.

Кто это там в такую жару напялил что-то на себя? Даже у мерзляков не хватило бы на это ума. Да и какой у них ум? Хорошо, мой огнеплюй со мной. В любом случае, у зимородков друзей нет! ПЛЮЙ!!!...

... Вокруг разлилось прекрасное теплое сияние. Откуда – Еселиев не знал. Он подставил теплопоглощающие батареи к огню и увидел, что то же самое тщетно пытается сделать Ричбетков. Тогда Еселиев переключил насос, который только что обнаружил, в другую сторону. Им было тепло и хорошо друг с другом. Это были два дошедших...

БЛИНОВА ЮЛИЯ

Девушка Из Сети

Конечно, грех жаловаться на непонимание. Как люди вообще могут что-то или кого-то понимать, если в себе не способны разобраться? Но, несмотря на правдивость этих слов и ее полное с ними согласие, боли в ее жизни меньше не становилось.

Ей только пятнадцать, она только учится в школе, жизнь только распахнула перед ней свои двери с надписью "Welcome", или "Не входи – убьет!", а ей уже хочется убежать от реальности, обжигающей своей абсурдностью. И как действительность может быть слишком материальной? Настолько, что, кажется, вот-вот и проблемы станут килограммами, эмоции – вольтами, а крик души – мегагерцами!

Но она нашла выход – выход в Интернет. Каждый день после школы она окунается в этот виртуальный поток, в эту стихию из мегабайтов, адресов и ников. Здесь все такое родное, здесь нет лжи и боли, только лица под масками. Но маски эти умеют жить и чувствовать и не прячут свои мнения и эмоции, заворачивая их в подарочную бумагу...

И как мама не может понять, что звуки подключающегося модема – это мелодия ее души, что слова "Вход в сеть..." – ее "Отче наш...", что любимый форум – это словно парк для ее мамы, в котором она впервые встретила с отцом, а личность под ником С.С. – мужчина ее жизни.

Нет, она этого не понимает. Она думает, что ее дочь уходит от "реальной жизни". Может быть, мать и права, но она-то другому уже не может. Это жизнь слишком реальна, а та реальность достаточно жизненна. Если придется выбирать, то лучше Сеть. Там нет фальшивых эмоций, основанных на каком-то ей не понятном долге, нет любви и дружбы, основанных на материальной выгоде. Это ее жизнь, там ее дом. И не важно, что возможно С.С. – вовсе не мужчина, а модем не может петь. Все равно там ее убежище, там ее действительно любят и ждут...

Но вот и рассвет... Пора, давно пора Золушке покинуть бал, но принц слишком хорош, а гости веселы, да и праздник-маскарад еще не закончен... Но ей надо спешить (зачем?), спешить в мир, где люди скрываются под масками фальши и лицемерия, где ненависть и жестокость способны на большее, чем любовь и доброта, где даже серого цвета давно нет, а на улицах просто лежит непроглядный туман, и люди не видят друг друга. Она должна "жить" в этом мире, мире, где убивают...

ПОГОРЕЛОВА КСЕНИЯ

Ночная серенада,

или **Only in Russia... It may happen only in Russia**

Свистит. Опять свистит. Второй час издевается над моими нервами. Ну, замолкни же ты, полуночник! Я никогда не умела посылать людей далеко и надолго, но сейчас научусь. Свистит, гад такой! Я разозлилась настолько, что открыла глаза. Свистит. У меня появилось желание прибить человека. (Почему я думаю, что это он? Да потому что никакой нормальной девушке ТАКОЕ в голову не взбрeдeт!). Снова свистит.

Я пришла в бешенство и покинула сладостные объятия дивана. Добрела в темноте до окна и захлопнула форточку, попутно отыскав одним глазом источник доставших меня звуков. Источник был сутуловат, прыщав и смахивал на заключённого. К несчастью, он меня заметил...Хорошо одно - сегодня я надела на ночь целомудренную, до колен ночнушку вместо полупрозрачных кружавчиков...Так и не замолчал, гуманоидное, хоть милицию вызывай. А какой толк? Господа сыщики сами небось почивают сном праведников на местах своих дежурства...(ХВАТИТ СВИСТЕТЬ!!) В России всё же находимся. Хочу в Европу! А лучше в Америку, в маленький прилизанный городок, где нет необходимости толкаться в метро (вы знаете Moscow Metro - гибрид мясорубки и соковыжималки), гонять по городу в поисках урны или улепетывать от какой-нибудь группки красноносых веселеньких граждан. Нет, Россия священная наша держава, Россия – прекрасная наша страна, но могучая воля и великая слава совершенно не мешают течению сумасшедшей, суматошной и абсолютно невменяемой жизни. Плюс один, зато глобальный и на всю жизнь – никогда здесь не соскучишься!

Свистит. Подхожу к окну, открываю его, просовываю туда растрепанную голову и тихим, нежным голосом прошу:

- *Мог бы ты замолчать, а? Хотя бы до утра. Встречный вопрос:*

- *А где Оля? (Ну, соседка твоя)*

- *Оли нет. Ушла сегодня вечером красивая-я...со стильным молодым человеком...Сказала, утром будет. Перестань, наконец, свистеть!*

- *А я и не свищу...сейчас!*

На самом-то деле Олечка с родней ушла на какую-то архиважную семейную гулянку, но к чему это одинокому ухажеру?

- *Слушай, какое сегодня число?*

Я отвечаю.

- *А день недели?..* Когда он выяснил, что на дворе пятое июня, четверг (а точнее шестое июня, пятница), он хлопнул себя по лбу, пошарил в карманах и выудил рваненький календарик. (Настолько рваненький, что это было заметно даже ночью со второго этажа)

- *У меня, оказывается, календарь паленый. Некачественный. Сегодня пятница, а на нем - это среда. И к Оле надо мне было ехать либо позавчера, либо сегодня, но вечером. ...*

Он, кстати, не настолько уж и прыщав. И лицо умное. А ко мне ни один молодой человек так и не приезжал, и не свистел ночью под окошком. И завидно стало – почему именно Оленьке он навистывает свои серенады...

- *А у вас с Олечкой как, вечная любовь на всю жизнь и до первой ссоры?*

- *Да какая там любовь...Сеструха она мне ...троюродная, а что я к ней ночью езжу, так это конспектами разжигаться. Мы однокурсники.*

У меня на сердце почему-то сразу полегчало. И ночь такая...романтичная: душистая тишь, оранжевые фонари и золотое полнолуние. И спать уже совсем неохота.

- *Слушай, чего ты свистел-то, а?*

- *Да грелся я, Ольгу ждал. И домой не поедешь – метро не работает... Спускайся ко мне. Посидим, посвистим вместе. И на хулиганистого маньяка я вроде не смахиваю.*

- *Мне как, в ночнушке спускаться?*

- Хоть так. Знаешь, ты похожа на оч-чень красивую хиппующую нимфу...Несовершеннолетнюю и поэтому еще более...прекрасную.

- Я совершеннолетняя! (Почти)

- В таком случае я почти пенсионер. Спускайся!

Мне до безумия хотелось вылезти к нему. Лучше через окно. Но увы...Опасно, несолидно и неприлично ночью, тайком выходить к незнакомому молодому человеку... Если даже не знаешь, как его звать! В порядке компромисса я открыла вторую половину окна и с удобством уселась на подоконник. Он, в свою очередь, залез на невысокую развесистую иву напротив моего окошка. И устроился так, что мы были на одном уровне и я ясно могла разглядеть его давно нестриженные кудряшки, очки, болтавшиеся за ухом, и фосфоресцирующие глаза. Можно сказать – сияющими, но 1) это больно уж романтично, и 2) сияние обычно не настолько яркое. Итак, он устроился поудобнее, чуть не сверзившись на грешную землю, и рассмеялся.

- В первый раз вижу такое странное свидание. Летняя ночь, соловьи, полнолуние – это еще ничего, но вот два влюбленных идиота, которые еле удерживают равновесие в 10 метрах друг от друга...

Я запустила в него какой-то тетрадкой, подвернувшийся под руку. Если бы мне не было жалко магнитолау, я бы вышвырнула из окна и магнитолау. Если бы я могла поднять стол, я бы закидала его обломками письменного стола. Как...как он посмел! Мы – влюбленные??! Я – влюблена??!! И ведь не дотянешься до него: он, однако ж, посмел не только сказать эту чушь,

Он посмел не только высказаться, но и начал развивать тему:

- А за кордоном наше свидание выглядело бы по-другому: медленная музыка, уютная кафешка, один коктейль на двоих:...и мы, одетые и причесанные по-человечески: I love you, Nopeу ля-ля-ля, мур-мур-мур...Хотя это банально. И я рад, что мы в России.

- Почему же?

- Потому что в отмытой с мылом, аккуратненькой, постриженной Европе я не рискнул бы оприходовать отмытое с мылом, аккуратненькое постриженное деревце из питомника...

В его словах определенно есть здравый смысл...и ночь выдалась необычная... Мы еще долго с ним болтали о том, о сем; смеялись и обсуждали те архи значительные пустячки, что составляют обычно основу нашей жизни. Ночь уходила постепенно под наши разговоры, пока я не обнаружила, что не синеватая темнота колышется между нами, а серая предутренняя дымка. Волшебство испарялось, и передо мной встала опять механическая громада повседневной жизни. Мы начали прощаться.

- *Езжай уже, скоро метро откроется...*(плюс тихое хлюп-хлюп-хлюп в горле – он, к счастью, не заметил)

- *Еду-еду, проснусь к обеду... До свидания, моя принцесса!* (Улыбка какая-то приклеенная).

Я закрыла окно и задернула шторы. Прости - прощай, любитель ночного свиста. Даже имени от тебя мне не осталось. Но благословенны место и время нашей встречи! Благословен город Москва, сумбурный, противоречивый и любимый мной город! В русском человеке осталось много чего от первобытных времен или Средневековья, но иногда именно дикость, авантюризм и привычка к вольной жизни разрешают происходить тому, что случилось с нами. И внезапно я ощутила приступ горячей любви к взбалмошной, сумасшедшей России, к Москве, даже к этому двору и этой иве напротив... Вот вся столица передо мной: нехотя просыпается варварский азиатский мегаполис в целлофановой нарядной европейской упаковке... Вот он, город, где запад и восток, свет и тень, красота и уродство хитро переплелись в бесконечно неправильный и немислимо прекрасный гордиев узел, такой, что никакой силы в целом мире не достанет разрубить либо развязать его. Поутру обычная суета. Я то и дело поглядываю во двор, но там никого нет. Правильно. Ночной свистун покинул город вместе с темным временем суток...

... Он ждал меня в подъезде, комкая в руках какую-то тетрадку. Он был совершенно земной, очень реальный и к тому же бесконечно сонный.

- *Надо было все-таки вернуть твои конспекты...и заодно узнать, как тебя зовут...*

ГАВРИЛОВА МАРИЯ, ШЕВЧУК ДАРЬЯ

Дневник Марьяны

...Меня зовут Марьяна. Мне 14 лет. Я учусь в математической школе. Но учусь – это громко сказано. Я прихожу в школе исключительно, что бы поиграть на нервах у учителей и схватить очередную двойку. Но плохие оценки не капельки не портят мне настроение.

Вообще характер у меня ужасный. Я и сама это понимаю. Родители это объясняют переходным возрастом, учителя считают, что я избалованная и самовлюбленная девчонка, а друзья скидываются на плохое настроение. Да, а настроение у меня меняется каждую секунду. Я могу быть веселой, доброй, а через минуту я уже на всех злая, и обижаюсь на всех без причины. Раньше я занималась плаванием и участвовала в соревнованиях. Иногда даже получала медали. Потом я поняла, что это не мое и бросила. Сейчас я ни чем не занимаюсь. Так что времени у меня предостаточно. Веселюсь, гуляю с друзьями, хожу в кино. Жизнь прекрасна!

...Еще один прикольный день в школе, хотя ничего особенного не произошло. Повеселилась на математике, зажгла на русском. Получила 3 любовных записки, от каких – то ненормальных. Все как всегда, вот только вечером от мамы достанется очередная лекция о том, что надо хорошо учиться, удачно поступить в институт другая ерунда. Но я думаю, что в жизни главное не учеба, а одни позитивные эмоции.

...Представляешь, сегодня учительница сказала, что завтра к нам в школу придет новый мальчик. Говорит, его Дима зовут. Я даже не знаю радоваться мне, или расстраиваться. Вдруг придет какой-нибудь клевый, веселый, симпатичный мальчик (тогда будет хоть какая то польза ходить в школу). Хотя нет, мне слабо верить в чудеса, Наверняка это будет ботаник, как все остальные наши мальчики. Он будет скучным и неинтересным.

...Ну, я так и знала! Пришел, конечно, не ботаник, но «мачо» его тоже трудно назвать. С виду он ничего, но то, что Дима сделал в первый день, я от него не ожидала! Я сижу за партой одна, так

Дима прошел мимо меня и сел с какой-то замухрышкой-Иркой Самойловой. Вот это номер! Да все мальчики нашего класса хотят сидеть со мной. А он как будто слепой, и не замечает меня.

...И вот второй день безрезультатно. Дима меня просто не замечает. Сегодня я попыталась заговорить с ним, но он беседе не поддержал. Все этой Самойловой улыбается. Я чуть не взорвалась от досады! Неужели я влюбилась? Стоп, что со мной! Где моя гордость, в конце концов. Бегать за каким то глупым мальчишкой. Этот Дима просто полный дурак. Он такой шанс теряет – подружиться со мной, грозой всех девчонок!

...Ура! Наконец то, дождалась! Сегодня на истории мне пришла записка:» Приходи в кафе «Дантес» в 18 часов». Наверное – это Дима! Мои переживания будут вознаграждены. Так что же мне надеть? Может быть сиреневую майку и розовые бриджи, или желтый топик и юбку со стразами, или ... Ах, такой момент, а я тут копаюсь, не знаю, что надеть?

...Ну что за день! Надо же было так проколоться! Наряжалась, готовилась как дура! Прихожу в кафе, а там Толик сидит – самый нудный мальчик в нашем классе. Я полтора часа слушала в подробностях, как он проходил десятый уровень в дурацкой компьютерной игре. Но стоило мне посмотреть в сторону, как я увидела ужасную картину. За соседним столиком сидели Димка и Ирка. Они тихо ворковали, и на их лицах расплывались улыбки. В этот момент мне захотелось плакать, и казалось, что нет ничего хуже. Но все-таки – есть! Я вспомнила, что утром, когда мама уходила на работу, она попросила меня приготовить что-нибудь праздничное, так как сегодня вечером часам к девяти прилетает папа из командировки. На моих часах было половина восьмого. Я вскочила и убежала, не попрощавшись с Толиком. В девятом часу я уже стояла у плиты, листая толстую кулинарную книгу. Когда я начала искать подходящий поднос для яблочного пирога, раздался звонок в дверь, который прозвучал как страшный гром. Это были мама с папой. Когда мама узнала, что я ничего не приготовила, она начала возмущаться. Последнее время она только этим и занималась. Тут папа произнес свою любимую фразу : « Девочки не ссорьтесь », и добавил :» Сейчас пойдем в ресторан ради такого случая ». Только мы подошли к ресторану, как папа вспомнил, что он забыл бумажник. Тогда мама

предложила зайти в какое-нибудь не дорогое кафе – например в «Дантес». « Вот это да « - сказала я, « Как будто нет других кафе в городе!». Но «Дантес» оказался ближайшим. Но чтобы не расстраивать папу, я притворилась, что я счастлива. Представляешь, сегодня я на перемене увидела на своей парте два билета на фильм « Последний поцелуй». От кого же это! После случая в кафе, я даже не знаю. Но где-то глубоко в душе есть надежда, что это Дима. А может мне не ходить? Или пойти? Не хочу опять наступить на те же грабли. И кого я там увижу? Опять Толика? Не дай Бог! Но билеты на следующие выходные, и у меня еще есть время подумать и узнать, кто это такой добрый?

... А – а- а! Я дождалась! Оказывается – это и в правду был Дима. Билеты на последний ряд (места для поцелуев). Фильм, конечно, был скучным, и мы два часа подряд смотрели друг на друга. А на следующий день, когда я прихожу в школу, вижу, что на моей парте лежит Димин пенал. Тут ко мне подходит сам хозяин пенала :» Ты не против?» Я -против? Какой же он глупый! Неужели он не понимает, что я обеими руками и ногами – за! И с каким трудом я выдавила из себя равнодушное «Да нет, не против!». На следующей перемене ко мне подошла Ирка и начала мне впаривать всякий бред, что Дима меня бросит как и ее. И так правдоподобно сыграла, что она за меня волнуется. Вот актриса! Она просто мне завидует. Нет, Дима никогда меня не бросит.

... И вот прошла самая счастливая неделя моей жизни. Я даже не ожидала, что Дима на такое способен. Перед уроками вручил мне три лиловых тюльпана, а после уроков проводил меня домой. Весь вечер мы переписывались. И так каждый день. Мы много гуляли, ходили в кино, в театр. Я даже учиться стала лучше, потому что Дима помогал мне с уроками. У меня стали налаживаться отношения с мамой. Я самый счастливый человек не Земле, потому что у меня есть он.

...Я стала потихоньку забывать те прекрасные мгновения прошлой недели, и Дима переменялся. Мы стали реже встречаться, он меньше обращает на меня внимание. После школы Дима быстро уходит и не говорит куда, торопится. Я все чаще вспоминаю слова Иры. Может, она была права? А если он действительно меня бросит? Что тогда делать? Как дальше жить? Вопросов много, а где искать ответы? Нет, надо выкинуть плохие

мысли из головы. Может, он чем-то занят? Дима потом мне обязательно все расскажет, а пока надо просто подождать.

...Сегодня Дима пригласил (точнее попросил) встретиться в Измайловском парке. Это звучало не как приглашение на свидание, а как просьба о последней встрече. Я боюсь, что это свидание точно окажется для нас последним. Если это действительно произойдет, то у меня исчезнет вера в любовь. Мне больше никто не сможет, так понравится, как Дима. Как это ни печально, по-моему, Ирка была права. А что если это - обычное свидание? Я здесь себе всю душу разрываю, а может быть все и обойдется?

..Я даже не знаю, с чего начать. Но, главное, что он меня все-таки бросил. Я до сих пор не могу понять, как это произошло. Все было как в страшном сне. Начало не предвещало ничего плохого. Мы встретились, я рассказала, как провела день и старалась все время улыбаться. Но это мне не помогло. Дима все-таки произнес роковые слова о том, что мы не сошлись характерами, и наше прямые стали параллельными. Как же так? Неужели все это произошло со мной? А я то думала, что вот оно – счастье. До этого я даже представить не могла, что кого-то так полюблю. Да, только сейчас я поняла каким черствым, эгоистичным человеком я была. Может быть, мне, конечно, доведется полюбить кого-нибудь, так сильно, как Диму? Но самое ужасное, что мне предстоит видеться с Димой в школе. Я никогда не смогу его забыть, а так хочется! Если честно, я даже не держу на него зла. Ведь с Димой я стала совсем другой- ощутила новые чувства, перестала смотреть на всех с высоко, стала более нежной, спокойной, да и с мамой отношения улучшились. Любовь – какое это прекрасное чувство. Иногда любить – это так больно!

Любовь может быть взаимной и безответной и очень, очень разной. Любить – это не так просто как кажется!

НО не любить - не возможно!

МАРЕНЦОВА АНАСТАСИЯ

Чудо тишины

А вы когда-нибудь видели тишину? Нет? Ну как же так... А она красивая. Маленькая такая, пушистая, и шерстка у нее, как небо на рассвете, такая нежно-голубая с желтыми и светло-розовыми переливами.

Можно выйти рано утром на улицу, сесть на скамеечку во дворе и немного подождать. Тогда через несколько минут послышится шорох листьев около скамейки. А потом Тишина покажет из-под листочка свою остренькую мордочку, а потом вылезет, аккуратно запрыгнет на лавочку и сядет рядом. Теперь главное – не спугнуть её. А еще через минутку можно осторожно подставить руку, Тишина подойдет, коснется кончиков пальцев и аккуратно заберется к вам на плечо.

Тишина – она вообще очень пугливая, но страшно любопытная. А уж когда она усядется на плече, надо быть особенно осторожным. Тишина начнет тихо-тихо нашептывать вам свою шуршащую песенку.

И тогда можно тихонечко подняться со скамейки и пойти в школу или на работу, а если вы еще не ходите в школу, то Тишина обязательно пойдет с вами куда угодно. И вы можете идти вдоль дороги, а машины не будут вам мешать своим шумом...

...только голубое небо, рассвет и тихая мелодичная песенка Тишины. И это маленькое утреннее чудо. Шшш!!

КОЛМОГОРОВ НИКОЛАЙ

Моя семья в истории страны

«Я, Николай, сын Сергея, сына Василия, сына Василия, сына Егора, сына Григория, сына Николая. Воин из рода воинов. Медведь из рода медведей. Мангыстар из рода Мангыстар. Колмогоров из рода Колмогоровых. Принимая мудрость земли Якутской, принимая силы медведей земли Якутской, принимаю на себя обязанности главы рода в моем поколении». Когда-нибудь я произнесу эти слова, стоя на шкуре убитого мной медведя. Его силы, мудрость его, войдут в меня, и я стану главой рода в своем поколении. На шкуре нарисуют древо рода, и на нем появится моя вершинка, как продолжение ствола. Шкуру свернут и унесут в ледник, там она будет храниться с другими такими же шкурами. Папа говорит: их там больше 40. Это традиция нашей семьи – старший сын старшего сына, вступая в права главы, убивает медведя, потому что это подчеркивает его зрелость и силу. Именно медведя, потому что Колмогоров может убить только одного медведя, чтобы его душа, сила и мудрость переселилась в него. Сил и мудрости потребуется много. Колмогоровы все многодетные, а глава отвечает за весь род в своем поколении. На меня обрушатся заботы о моих сестрах, братьях, двоюродных, троюродных и прочая, прочая.

Этот обряд произойдет со мной, когда я буду готов и физически, и морально. А так как я еще не готов, то мой медведь мирно живет в Якутии, а я так же мирно - в Москве. На сегодняшний момент я просто Коля - беззаботный житель и гражданин великого и дружного рода Колмогоровых. По мере своих возможностей стараюсь просто «соответствовать» - так говорит бабушка Люда. С ней не поспоришь. Да с ней никто и не спорит. Мало того, что она - мама моего папы (тоже между прочим глава), так она еще и жена моего деда Василия (это самый старший глава рода). Тут как говорится, выше только прабабушка Маша и Бог. Прабабушка живет в Якутске, Бог на небе. Так что, тут в Москве правят бабушки и дедушки – так заведено у нас в роду. Дедушками и бабушками я богат: у меня две бабушки и двое дедушек, это не считая двоюродных. Род Мангыстар - один из самых древних родов Якутии, фамилию

Колмогоров род получил в 18 веке при крещении Василия Мангыстар. Фамилию дал крестный отец Василия - сибирский казак Григорий Колмогоров. С тех пор в каждом поколении всегда есть Колмогоров по имени Василий и по имени Григорий – это традиция. Мужчины Колмогоровы всегда служили и служат отечеству. Дед Василий, папин отец, кавалер ордена почета, государственный советник юстиции 1-го класса, человек всю жизнь посвятивший следствию. Женщины, как правило, заняты просвещением. Моя прабабушка - заслуженный учитель Якутской АССР, РСФСР, кавалер ордена Трудового красного знамени. Бабушки тоже имеют звания и награды в области образования. Мама наград не имеет, но с образованием связана прочно – с нашим образованием: школьную программу осваивает в 4-й раз. Дед Николай, мамин отец – инженер, выпускник ЛИТМО, почетный энергетик, командовал крупнейшей в Сибири ЭВМ.

Оба прадеда – ветераны Великой Отечественной войны. Один дошел до Берлина, но окончил войну в августе 45 года на острове Шикотан. Другой закончил войну в Кенигсберге. Поэтому день Победы для нашей семьи – святой праздник. Каждый год к 9-му мая мои родные выезжают во Ржев, на места сражений наших земляков – якутян. В битве под Ржевом погибло много людей, в том числе и из Якутии. На месте боев силами якутской диаспоры был построен храм, в память погибшим. Наш род тоже принимал участие в этом строительстве. Я люблю ездить туда с дедушками. Однажды я привез патроны от винтовки, которые нашел сам в поле. Проржавевшие насквозь кусочки металла. Я не знаю точно, от какой винтовки эти патроны – нашей или немецкой, но я их храню - это моя реликвия. Конечно, по сравнению с семейными артефактами в виде медвежьих шкур и орденов прадедов и прабабушек, красноармейской книжки прадеда Захара это малость, но это моя малость.

В нашей семье есть более зримые и от того более для меня значимые «сокровища» Мама хранит переписку с папой, когда они еще не были женаты, письма и рисунки, которые он ей присылал, он так ей и объяснился в любви – картинками. Эти картинка на всем: на простой разлинованной бумаге, на кусках картона. В особой коробочке, очень трепетно мама хранит вещи, которые связаны с нами – детьми. Бирочки из роддома, первые состриженные волосы, наши рисунки и первые каракули – мама

их собирает в альбомы. Особое место в архиве занимают фотографии. Это фотографии 20-30-40-х годов, мы их отсканировали и бережно храним. На них я вижу своих прапрадедов, прадедушек. На них можно увидеть, как выглядели мои деды в детстве и юности. В мамином шкафу отдельно от всех вещей лежит женская вышитая сорочка прабабушки – в ней моя сестра даже выступала на каком-то празднике в школе. Самые интересные реликвии – это папины: часы «от президента Российской Федерации», папа их получил, когда вышел на пенсию; офицерский жетон – на нем еще надпись «ВС СССР»; его трубки для курения и серебряный крест, который моя прабабушка передала моему папе. Этот крест ей достался от прапрадедушки, а в советское время она хранила его зашитым в подушку. Крест не получается долго носить – все время рвутся цепочки. Наверное, от того, что он долго пролежал спрятанным.

Вообще я очень рад тому, что у меня много родни. В праздники нам не нужна компания – мы сами себе компания. Когда садимся за стол – нас около 20 человек, и это только самые родные и близкие. Но самый близкий человек для меня – мой папа. Если маму не считать, конечно. Папа близок мне не только по родству, но и по духу. С ним я могу обсудить любые вопросы. Ему интересно то, что интересно мне. Я хочу и стараюсь быть похожим на него. Мой род, мои предки, мои родители – это самая настоящая история, не в книжках, а вот прямо перед тобой. До каждого события можно дотянуться руками, потрогать, ощутить тяжесть медалей и орденов, шероховатость старых документов, услышать о минувших событиях из уст живых свидетелей. Моя семья – это моё окно в мир. Сидя на подоконнике этого окна, мы – младшие Колмогоровы спокойно смотрим вперед, потому что каждый из нас – маленькая частичка большой семьи. И мы никогда не бываем одиноки – всегда есть у кого спросить совет, получить поддержку, ощутить любовь близких. Когда вырасту, я обязательно продолжу традиции своего рода, потому что по-другому нельзя. Ибо я Николай, сын Сергея, сына Василия, сына Василия, сына Егора, Колмогоров из рода Колмогоровых...

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ШКОЛЕ И МУЗЕЕ.....	3
№ 1, 1970 год.....	4
МАЯКОВЦЫ Памятник Маяковскому.....	4
НАТАША КИРЕЕВА Дороги.....	7
№ 4, 1973.....	8
МАРИНА БЫЧКОВА Воспоминания о школе.....	8
АНДРЕЙ БОЙЦОВ Школа.....	9
№ 6, 1975.....	10
ЕЛЕНА КОСЕНКО.....	10
№ 7, 1976.....	11
АННА НЕЙМАН Мой Маяковский.....	11
№ 8, 1977.....	12
ОЛЬГА АФАНАСЬЕВА. ВЫПУСК 1966 г. Первый председатель музея. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С СОВРЕМЕННОКАМИ ПОЭТА.....	12
МАРИНА БЛИНКИНА Взрослые дети.....	15
№ 9, 1978.....	16
ЛЮДМИЛА ИЛЬИНА выпуск 1967г. Память о прекрасном.....	16
№ 12, 1981.....	18
СЕРГЕЙ РОМАНЕЦ Музей и я.....	18
АЛЕКСАНДРА ЕРМАКОВА.....	21
ГУТОВА ГАЛЯ.....	22
№ 14, 1983.....	22
КОРШУНОВ АРКАДИЙ.....	22
№ 15, 1984.....	23
ЧУДИНА ЕКАТЕРИНА Учителя.....	23

№ 21, 1990.....	24
ОЛЬГА ОРЛОВА «СОВА».....	24
№ 24, 1995.....	25
БЫСТРОВА ЛЮДМИЛА Он творил непривычные строки...25	
№ 27, 1998.....	26
РЫБКИНА ДАРЬЯ, ПУЛИНА МАРИЯ Музейю	26
№ 30, 2001.....	27
ЛАЗАРЕВ АЛЕКСЕЙ Я и школа	27
МИЩЕНКО ЯНА	28
№ 31, 2001.....	29
УТОЧКИН ВЯЧЕСЛАВ Письмо Маяковскому.....	29
П О Э З И Я.....	31
№ 1, 1970.....	32
ЛЕНА СЕМАШКО	32
САША МОГИЛЕВСКИЙ На раскопках	33
№ 2, 1971.....	34
ОЛЯ КОМАРОВА	34
ОЛЯ ТЕРЕНТЬЕВА.....	34
ВОЛОДЯ ШИПИЛОВ	36
САША ПИЦИК	36
№ 3, 1972.....	37
БОРИС МАКСИМКИН Ритмы	37
СЕРГЕЙ ПРОКОПЕНКО.....	37
№ 4, 1973 год.....	38
ГАЛЯ ГУБАНОВА	38
№ 5, 1974.....	39
ЛЕНА ЧЕРНАЯ	39
МАРИНА НЕРЕТИНА	40

№ 6, 1975.....	41
ЛЕНА ЯГОДКИНА	41
КОЛЯ ГОЛОДНЫЙ.....	42
ЛЕНА ЧЕРНАЯ	42
№ 7, 1976 год	43
МАРИНА БЛИНКИНА Утро	43
МАРИНА ЕРЕМИНА Волжская ГЭС.....	43
КАТЯ МАЛЬШЕВА Осенний лес.....	44
№ 8, 1977.....	45
МАРИНА ЛЕСНИЧАЯ Курган	45
№ 9, 1978.....	46
СВЕТЛАНА АФАНАСЬЕВА Родина моя	46
МАРИНА ДОДЗИНА Осенний дождь	47
ИННА ПОНОМАРЕВА	48
ОЛЬГА МАРКОВА	49
№ 10, 1979.....	50
МИХАИЛ КОСТЮРИН	50
ЛЕНА МЕШКОВА.	51
№ 11, 1980.....	52
ЛАРИСА МАРКИНА Капризы погоды	52
№ 12, 1981.....	53
ВЛАДИМИР МЕНДЕЛЕВИЧ Родина.....	53
ЕРМАКОВА АЛЕКСАНДРА.....	54
№ 13, 1982.....	56
ЮЛИЯ СМИРНОВА У обелиска	56
ОЛЬГА ШУВАНОВА Кто?.....	57
№ 14, 1983.....	58
ЛЕНА ГАВРУСЕВА.....	58

МАРИНА МАЛЮТИНА По шпалам	58
Легко обидеть человека	59
№ 15, 1984.....	60
ОЛЬГА СКОРОБОВЕНКО	60
МАРИЯ ВАРИВОДА Новогодняя ночь	61
№ 16, 1985.....	62
НАТАЛЬЯ ВАЙНЕР Мушкетеры	62
ЕВГЕНИЯ ШПИГЕЛЬ Дон Кихот и Санчо Пансо	63
Янус	64
№ 17, 1986.....	65
МИХИНА ЮЛИЯ.....	65
САФРОНОВ АНДРЕЙ Ночной дождь	67
ВАЙНЕР НАТАША Диоген Синопский.....	68
№ 18, 1987.....	69
МОЛОКАНОВА МАРИЯ.....	69
КАРПУШКИНА ЛЕНА Капля дождя.	70
ВЛАДИМИР РОМАНОВ Песня	71
Все возвратится на круги своя. Сонеты	72
№ 20, 1989.....	74
РОМАНОВ ВЛАДИМИР Триолет	74
№ 21, 1990.....	76
ПАВЕЛ БЫСТРОВ Лесное озеро.....	76
АНДРЕЙ САЛИМОВ	77
№ 22, 1991-1992.....	80
ШАНИНА НИНА	80
БОГДАНОВА ИРИНА Маленькая трилогия	82
Романс.....	83
№ 23 , 1993.....	84

КУЗНЕЦОВА МАРИЯ	84
ГАЛКИН НИКОЛАЙ	86
КУЗНЕЦОВА ЮЛИЯ	86
№ 24, 1994.....	87
БОГДАНОВА АННА.....	87
ДМИТРИЕВ АНТОН.....	87
ИВКИНА АЛЕКСАНДРА Осень	88
ПРИВЕЗЕНЦЕВА ЕКАТЕРИНА	89
ГОЛОВИНА АНАСТАСИЯ	90
№ 25, 1996.....	91
БУЯНКИНА АННА Тебе	91
ЧИЧЕРИН ГЕОРГИЙ Мой щенок.....	92
№ 26, 1997.....	93
КУЗНЕЦОВА МАША Звёзды.....	93
МАКЕЕВА ОЛЬГА.....	94
№ 27, 1998.....	95
КСЕНОФОНТОВА НАДЕЖДА.....	95
№ 28, 1999.....	97
ЗЯЗИНА ЛЮДМИЛА Наш Пушкин	97
№ 29, 2000.....	98
КАРЕВА ИНЕССА.....	98
БЕЛОВА ОЛЬГА Просто жизнь.....	99
№ 30, 2001.....	100
ДЕМБИНСКАЯ НАТАЛЬЯ.....	100
№ 31, 2002.....	101
БОРТКЕВИЧ АРТЕМ Я выше себя.....	101
ОСАДЧЕВА АНАСТАСИЯ	101
БЕЗ АВТОРА Ты мне нужен	102

№ 32, 2003.....	103
САФОНОВА ЛЮДМИЛА	103
ВОВНА АЛЕКСАНДРА Исповедь	104
№ 33, 2004.....	105
ГАВРИЛОВА АЛЕКСАНДРА Осень	105
МИХАЙЛОВ НИКИТА Мой сон и слон	105
ОЛЬНЕВА АНАСТАСИЯ Арлекин	106
№ 34, 2005.....	108
ГОРСКАЯ ЮЛИЯ.....	108
КУРАКИНА МАРИЯ Осень.....	109
№ 35, 2006.....	110
КОВАЛЕВА ИРИНА	110
№ 36, 2007.....	113
ТИДЖИЕВ ДМИТРИЙ	113
Однажды	113
НИКИТИНА ПОЛИНА	115
СИДОРОВА ДАРЬЯ.....	116
ШАБАЛОВА ИРИНА Звёзды	117
№ 37, 2008.....	118
УКОЛОВ ПАВЕЛ Цветок	118
Дубровка	119
ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ Туман.....	120
№ 38, 2009.....	121
ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ	121
УКОЛОВ ПАВЕЛ Шахматово	124
ВАСИЛЬЕВА ДАРЬЯ.....	125
ПИСКУНОВА НАСТЯ.....	126
№ 39, 2010.....	127

ПОЛЯКОВА ДАРЬЯ	127
Серое	130
Весна ушла.....	131
В ожидании весны	131
Волосы	137
Города	138
Тишина.....	140
Слова.....	141
ВАСИЛЬЕВА ДАРЬЯ Над пропастью во ржи	142
Люблю.....	143
Ленинградский рокн-ролл	143
П Р О З А.....	144
№ 1, 1970.....	145
АЛЕКСАНДР ХЕЙФИЦ Банальная история	145
РЫБАКОВА ЛЮБОВЬ Хорошие люди рядом с нами.....	147
№ 2, 1971.....	150
НАТАША БОРИСОВА Мужество.....	150
ВЕРА ЕПИШЕВА Говорят, нельзя вернуть пережитое.....	152
№ 5, 1974.....	154
МАРИНА БУЛАЕВА Скала и ветер	154
№ 6, 1975.....	156
САША МАСЯКИН Ритм жизни	156
МИША БОРОВСКИЙ Рассвет	158
№ 7, 1976.....	159
КУЗИНА СВЕТЛАНА Эхо войны	159
№ 8, 1977.....	163
ИРА САЗИКОВА Рыжая.....	163
ТАНЯ ШАХМАТОВА Типичная история	166

№ 10, 1979.....	167
ОЛЯ АСТАХОВА Женька	167
№ 11, 1980.....	169
ТАНЯ ГУБАНОВА О смелом корабле и прекрасной чайке.	169
№ 17, 1986.....	171
НАТАЛЬЯ ВАЙНЕР Закон Всемирного тяготения.	171
№ 27, 1998.....	172
БАРИНОВА МАРИЯ Тайна страны Лесонии.....	172
ПИВОВАРОВ РОМАН Стакан	178
№ 29, 2000.....	179
ЛЮТОВ СЕРГЕЙ Долг перед Родиной.....	179
ЧЕРНОВЕЦКИЙ ВАДИМ выпуск 1998 года К звездам.....	182
Легкая скорость	184
№ 30, 2001.....	187
ЗЫКОВА ДАРЬЯ Вьетнамский Вор (Лингвистическая шутка)	
.....	187
№ 32, 2003 год	188
РЫЖОВА НАТАША Еще один закат.....	188
БОРТКЕВИЧ АРТЕМИЙ Два дошедших	190
№ 33, 2004.....	193
БЛИНОВА ЮЛИЯ Девушка Из Сети	193
№ 35, 2006.....	195
ПОГОРЕЛОВА КСЕНИЯ Ночная серенада, или Only in	
Russia... It may happen only in Russia	195
№ 37, 2008.....	199
ГАВРИЛОВА МАРИЯ, ШЕВЧУК ДАРЬЯ Дневник Марьяны	
.....	199
№ 38, 2009.....	203

МАРЕНЦОВА АНАСТАСИЯ Чудо тишины.....	203
№ 39, 2010.....	204
КОЛМОГОРОВ НИКОЛАЙ Моя семья в истории страны ..	204